

РАЗЛОМ

КНИГА 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КОНСТАНТИН КО

18+

Константин Ко

Разлом

<https://litres.ru/74438822>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим Соловьёв просто хотел доехать домой.

После двойной смены. Туннель. Фура на встрече. Удар.

А потом — река. Чужой лес. Два солнца в небе. И тело, которое не его, но слушается.

Тело того, кто только что утонул.

В кармане — письмо: «Магии нет и не будет. Ухожу». На поясе — кинжал. А из ладони, когда на него бросается волчья стая, вдруг вырывается что-то, чего не должно существовать.

Максим не хочет быть бароном. Не хочет замок, магию и чужие войны. Он хочет домой — к сыну, к велосипеду со слетевшей цепью, к обещанию, которое дал в воскресенье.

Где-то в реанимации его тело ещё дышит.

Пока дышит.

Содержание

Глава 1. Туннель	5
Глава 2: Чужое имя	19
Язык, которого не знаю, но понимаю	22
Первое переключение	25
Возвращение	28
Замок Соловейских	30
Глава 3: Испытание объявлено	36
Глава 4. Испытание	59
Ночь перед	59
Утро. Двор замка	63
Три свечи	67
Камень	69
Третье задание	71
После. Разговор, которого не должно было быть	74
Глава 5. Цена знаний	77
Родерик	80
Тренировочный двор	83
Лёд и воля	87
Элис. Вечер	90
Второе видение	94
Утро. Барон	99
Глава 6. Дорога на север	102

Сборы	103
Выезд	106
Привал. Первая ночь	109
Предгорья. Четвёртый день	112
Ночь у скал. Первый контакт	114
Глава 7. То, что не должно было выйти	118
Утро после	119
Находка	122
Магистр. Второй след	125
Компас ведёт	127
Волчий перевал	129
Ночь. Третье видение	133
Разговор до рассвета	136
Глава 8. Тот, кто пришёл обратно	139
Дорога назад	140
Замок. Гость	143
Торвальд	145
Пятьдесят лет	147
Элис. Коридор	150
Ночью. Четвёртое видение	153
Утро. Разговор с Торвальдом	156
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Константин Ко

Разлом

Глава 1. Туннель

Последняя смена.

Стрелка спидометра замерла на восьмидесяти.

Старая «Нива» гудела, как недовольный трактор — что-то опять разболталось в подвеске, надо будет глянуть в выходные, если выходные вообще случатся. Максим потёр лицо ладонью, пытаясь разогнать усталость, растолкать кровь, заставить голову думать. Веки наливались свинцом. Не помогало.

Шестнадцать часов на ногах.

Главный пресс на третьем участке сдох прямо в середине смены — с характерным металлическим стоном, который опытный слесарь распознаёт на слух за секунду до того, как гаснет индикатор. Запуск горел: срыв сроков грозил штрафами всему цеху, мастер Петрович орал в телефон кому-то наверху, потом орал вниз — Максиму, потому что Максим был рядом и умел чинить.

Он полез в механику, как всегда. Гидравлика, датчики, проводка — всё по очереди, методично, без суеты. Руки в масле по локоть, спина ноет от неудобной позы под стани-

ной, Петрович нависает сзади и дышит в затылок, комментируя каждое движение с той интонацией, которая предполагает, что он сам справился бы быстрее, хотя сам к механике не подходит уже лет восемь.

Максим не отвечал. Просто работал.

Через два часа двадцать минут пресс запустился.

Петрович хлопнул его по плечу так, будто это была его личная победа. Максим вытер руки ветошью, кивнул, забрал куртку и пошёл на выход — молча, потому что слов не осталось, только усталость и мысль о том, что в машине лежит термос с холодным уже кофе, который всё равно поможет меньше, чем сон.

В кармане куртки лежал брелок.

Кривая железная буква «М» — сваренная неровно, с подтёками, с одним углом чуть короче другого. Артём сделал её два года назад в кружке технического творчества, притащил домой в ладонях, держа осторожно, как что-то живое. «Папа, ты же всё чинишь, вот тебе талисман!» Было ещё до развода. Максим тогда долго смотрел на эту кривую букву и не мог найти слов, потому что слова были бы меньше того, что он чувствовал.

Он машинально нащупал холодный металл сквозь ткань.

Завтра увидит сына. Обещал научить чинить велосипед — у Тёмки слетела цепь, а Ольга в технике не разбирается, и велосипед уже две недели стоит в коридоре, и каждый раз, когда Максим звонит, сын спрашивает: «Пап, ты приедешь

в выходные? Мы же велик починим?»

Приедет. Починят.

Трасса была пустой. Четыре утра, редкие фонари, серые отбойники по краям. Радио бормотало что-то тихое, Максим убавил ещё, чтобы не раздражало, но и не выключил — без звука совсем плохо, тишина убаюкивает быстрее. Он приоткрыл окно, впустил холодный апрельский воздух, моргнул несколько раз.

Впереди показался туннель.

Четыреста метров бетона и жёлтого освещения. Правый поворот посередине. Этот туннель Максим знал наизусть — ездил через него дважды в день три года подряд. Въезжал в него тысячу раз.

Въехал и сейчас.

Жёлтый свет обступил машину со всех сторон, ровный, безтеневой. Гул двигателя изменился — приобрёл ту закрытую, гулкую глубину, которая бывает только в замкнутых пространствах. Разметка мелькала под колёсами — белая, белая, белая.

Глаза закрылись.

Не намеренно. Просто — закрылись. На секунду. Только на секунду.

Визг тормозов разорвал тишину.

Максим дёрнулся, открыл глаза — и увидел фуру. Огромную, слепящую дальним светом, занявшую весь туннель, прущую прямо в лоб. Встречка. Он на встрече.

Время растянулось — как бывает в момент аварии, как рассказывают люди, которым повезло выжить и потом описывать: всё замедлилось, каждая деталь стала отдельной и чёткой.

Руль вправо — резко, до упора. Машина не слушается сразу, идёт юзом, покрышки визжат по бетону. Фура совсем близко, гудок бьёт по ушам так, что перестаёшь его слышать и начинаешь чувствовать физически. Максим видит кабину — и лицо дальнбойщика за стеклом, такое же перекошенное от ужаса, как, наверное, его собственное.

Удар.

Хруст металла — короткий и полный, без эха. Взрыв подушки безопасности, белое, горячее. Вспышка боли в груди и голове одновременно.

Потом — темнота.

Не постепенная. Просто — была картинка, и её не стало.

Холодная вода

Холод.

Ледяной, пробирающий до самых костей, до позвоночника, до места внутри, где, кажется, тепло вообще не живёт.

Максим захлебнулся, втянул воду вместо воздуха, закашлялся — рефлекторно, до рвоты. Руки уже работали сами, молотили по поверхности, тело рвалось вверх из чистого инстинкта, без участия сознания. Лёгкие горели. Темнота вокруг — уже не чёрная, а тёмно-зелёная, живая. Вода.

Он в воде.

Ещё метр. Ещё один. Давление в ушах.

Голова вынырнула.

Максим жадно, судорожно втянул воздух — раз, ещё раз, ещё, пока лёгкие не перестали гореть и не начали просто работать. Выплюнул воду. Огляделся, не переставая работать руками.

Река. Быстрая, тёмная, с белыми гребнями на перекатах. Течение тащило его, сильное и равнодушное, как механизм. Берег — метрах в десяти, каменистый, с корнями деревьев, выступающими из земли над водой.

Он поплыл, борясь с течением. Каждый гребок давался с усилием — одежда тянула вниз, тяжёлая, набухшая. Странная одежда. Не куртка с завода. Что-то кожаное, плотное, с металлическими кольцами на плечах.

Рука зацепилась за корягу у самого берега. Максим подтянулся, упёрся ногами в камни, выволок себя из воды — и рухнул на спину, глядя в небо, хватая воздух открытым ртом.

Живой.

Авария была лобовой. Фура весила тонн двадцать, скорость — километров семьдесят. Таких не выживают. Это не то, из чего выходят сами, на своих ногах, без больницы, без реанимации.

Максим поднял руку — посмотреть, всё ли цело.

И замер.

Это была не его рука.

Пальцы длиннее. Кожа моложе, чище — без мозолей на подушечках, без въевшейся машинной пыли в складках рукавов, без шрама от сварочного ожога на запястье, который остался там лет семь назад и никуда не делся с тех пор.

Максим сел — медленно, как будто резкое движение могло что-то нарушить — и посмотрел на себя.

Чужая одежда: грубая кожаная куртка с металлическими клёпками, холщовая рубаша под ней, тёмные штаны из плотной ткани, высокие сапоги со шнуровкой. На поясе — ремень. На ремне — кинжал в кожаных ножнах.

Кинжал.

Максим провёл рукой по лицу — пытаюсь найти что-то знакомое, хоть что-то. Гладкие щёки. Не его щетина, которую он не брил со вчерашнего дня. Другой угол скулы под пальцами. Другой нос — прямее.

— Какого хрена, — прохрипел он.

Голос тоже другой. Моложе. Выше тембром — не сильно, но заметно.

Он стоял на берегу незнакомой реки в чужом теле и пытался найти точку, от которой можно было бы оттолкнуться. Любую точку. Что-нибудь, что имело бы смысл.

Потом поднял голову — и мир ударил по сознанию ещё раз.

Деревья. Не подмосковные сосны и берёзы — что-то другое, незнакомое, с тёмной почти чёрной корой и широкими кронами. Высокие, в несколько обхватов, стоящие так плот-

но, что между стволами почти нет просвета. Лес был живым и тихим одновременно — та тишина, в которой слышишь каждый звук по отдельности: воду, ветер, птицу где-то высоко.

Максим запрокинул голову.

Сквозь просветы листвы в небе висели два солнца.

Два.

Одно — обычное, желтоватое, поднявшееся над горизонтом. Второе — меньше, красноватое, чуть в стороне, клонившееся к западу, как будто отстающее по своему собственному расписанию.

— Я умер, — выдохнул Максим тихо, скорее себе, чем кому-то. — Или совсем ебанулся.

Ни то, ни другое не казалось неправдой.

Тело на берегу

Он брёл вдоль реки, спотыкаясь о камни.

Мысли не выстраивались в систему — просто скакали, цеплялись друг за друга, не находили опоры. Два солнца. Чужое тело. Кинжал на поясе. Река, которой нет на Северном шоссе и никогда не было.

Кома? Галлюцинация от кровопотери, пока он лежит в покорёженной «Ниве» и ждёт скорую? Мозг умирает и показывает напоследок что-то большое — такое большое, что не сразу понимаешь, что это конец?

Но холодная вода была слишком реальной. Камни под подошвами сапог — слишком твёрдыми, каждый выступ чув-

ствовался отдельно. Воздух пах сыростью и мхом и чем-то незнакомым, острым — не бензином, не заводом, не городом. Ничем знакомым.

Максим шёл, потому что не знал, что ещё делать.

Через полсотни метров он увидел тело.

Лежало у самой воды, застрявшее между двумя крупными камнями. Лицом вниз, в той же одежде, что была сейчас на Максиме — кожаная куртка, сапоги. Неподвижное, явно давно неподвижное. Вода тихо тёрлась о камни рядом с ним.

Максим остановился.

Потом подошёл ближе — медленно, как подходят к чему-то, что не хочется видеть, но надо. Присел. Перевернул тело.

Отшатнулся.

Лицо. Его лицо. Моложе лет на десять, без морщин у глаз и складки между бровями, которая появилась у Максима после первого года на заводе, — но черты те же. Тёмные волосы, прямой нос, тот же разворот скул. Даже шрам над левой бровью — который Максим заработал в армии, когда неудачно упал на учениях, — был здесь, на этом лице.

Максим долго смотрел молча.

Потом выпрямился, сделал шаг назад. Дышал медленно, заставляя себя думать, а не реагировать.

Факты. Только факты.

Он в чужом теле — в теле, которое выглядит как он сам, только моложе. Тело настоящего хозяина лежит здесь, мёрт-

вое, судя по всему утонувшее. Значит — что? Значит, он каким-то образом занял его место. Это звучало как бред. Но всё остальное тоже звучало как бред, а камни под ногами были реальными.

Дрожащими руками он обыскал мёртвое тело.

В кожаной сумке на поясе: несколько монет — потёртых, с незнакомыми профилями на аверсе. Кусок засохшего хлеба, завернутый в тряпицу. И обрывок письма — помятый, влажный по краям, но читаемый. Почерк неровный, торопливый, как будто человек писал стоя или в движении.

Максим развернул его.

«...не могу больше. Отец не простит, но я не вернусь в этот замок. Магии нет, не было и не будет — я принял это. Пусть Родерик будет наследником, пусть все радуются. Я уйду туда, где никто не знает имени Соловейских. Прощай, Элис. Ты единственная, кто пытался понять.

Максимилиан»

Максим стоял над телом и перечитывал письмо.

Соловейских. Максимилиан Соловейский.

Почти его фамилия. Почти его имя. Мир, в котором это имя что-то значит — замок, отец, наследник. Мир, в котором существует магия — и у этого человека её не было, и это было достаточной причиной, чтобы уйти из жизни.

— Я в его теле, — сказал Максим вслух. Не утверждая — проверяя, как звучит. — Он утонул. А я здесь.

Абсурд. Но абсурд, который совпадал со всеми фактами

по одному.

Протяжный вой прорезал тишину.

Далёкий, низкий, с той вибрацией, от которой кожа покрывается мурашками раньше, чем успеваешь понять, почему. Потом второй голос. Третий. Четвёртый — ближе остальных.

Максим выпрямился мгновенно. Рука легла на рукоять кинжала — сама, без команды, армейские рефлексy на угрозу не требуют обдумывания.

Много. Близко. Идут на звук или на запах, скорее всего на оба.

Он осмотрелся быстро — укрытие, позиция, путь отхода. Большой валун в пяти метрах, прикроет спину. Берег открытый, деревья начинаются метрах в двадцати. Бежать — значит показать спину, это всегда ошибка.

Максим отступил к валуну, не поворачиваясь.

Первый огонь

Они вышли из деревьев почти бесшумно — только камни тихо хрустнули под лапами.

Шестеро. Крупные, серые, с той особой плавностью движений, которая бывает у зверей, никогда не голодавших — они не торопились, не суетились. Знали своё дело. Вожак шёл впереди немного, размером с телёнка, с широкой грудью и тёмными полосами вдоль хребта. Жёлтые глаза смотрели прямо — не на тело у воды, не на камни, на Максима.

Максим вытащил кинжал. Лезвие короткое, сантиметров

двадцать — хорошая сталь, удобная рукоять. Против одного волка, может, хватило бы. Против шести — игрушка, и он это понимал.

Подобрал с земли толстую ветку — хоть что-то для второй руки. Вес нормальный, длина достаточная, чтобы держать на дистанции.

Волки окружали его методично, не спеша. Расходились полукругом, каждый держал угол, не мешая остальным. Это было похоже на работу — не на охоту, а именно на работу, хорошо отработанную и привычную.

Вожак оскалился. Рык низкий, вибрирующий, он чувствовался в груди.

— Ну давай, — сказал Максим тихо. — Попробуй.

В армии его учили: против нескольких противников не защищайся — атакуй первого так, чтобы остальные поняли, что это дорого. Может, не поможет. Но хотя бы не умрёшь, пятак.

Вожак прыгнул.

Быстро — быстрее, чем Максим ожидал, быстрее, чем выглядело. Он замахнулся веткой, но зверь ушёл под неё, пасть раскрылась, целясь в горло.

Максим выбросил левую руку вперёд — заслон, последний, уже понимая, что не успевает, — и крикнул что-то, от ярости и от страха одновременно, не словами, просто звуком.

Из ладони вырвалось что-то.

Не огонь. Не свет. Но что-то — волна, удар без касания, искажение воздуха, как бывает над раскалённым металлом, только во все стороны сразу. Вожак врезался в эту волну на полном ходу — и его бросило назад, как тряпичную куклу, без сопротивления, без замедления. Зверь пролетел метра три, врезался в камень у воды с глухим коротким ударом и рухнул.

Не встал.

Максим стоял с поднятой рукой и тяжело дышал.

Остальные волки замерли — все пятеро, одновременно, как будто кто-то выключил движение. Смотрели на вожака, потом на Максима, потом снова на вожака. Потом, почти синхронно, развернулись и ушли в лес — не убегая, именно ушли, тем же спокойным плавным шагом, только в другую сторону. Через несколько секунд деревья поглотили их.

Тишина.

Максим медленно опустил руку. Смотрел на неё.

Обычная ладонь — чужая, длиннопалая, молодая. Никаких следов. Никакого тепла, никакого свечения, ничего. Просто рука.

Вожак лежал у камня, не двигался. Шея под неестественным углом.

— Что я сделал? — прошептал Максим.

Ответа не было. Но вопрос, который начал формироваться следом — тихо, ещё не до конца, — был другим.

У Максимилиана Соловейского не было магии. Он напи-

сал об этом в письме. «Магии нет, не было и не будет — я принял это.» Ушёл из жизни отчасти поэтому.

А у Максима Соловьёва, слесаря с завода, — только что вырвалась из руки волна, убившая волка с трёх метров.

Значит — что?

Додумать не дали.

Сквозь деревья пробились голоса. Человеческие, несколько сразу. Топот копыт по камням. Лязг металла. Огни факелов замелькали между стволами, приближаясь.

— Барчук! Максимилиан! Где вы?!

Конный отряд — человек десять, в кожаных доспехах, с копьями и мечами, с факелами в руках. Они прочёсывали берег, двигаясь вдоль реки, и голоса были встревоженными — не угрожающими, именно встревоженными. Так ищут того, кого боятся не найти.

Они искали Максимилиана.

Максим посмотрел на тело у воды — оно лежало за камнями, в тени, не видно с берега. Потом посмотрел на свои — чужие — руки. Потом на приближающиеся факелы.

Выбора не было. Или был, но только один.

Он шагнул из-за валуна, поднял руку.

— Здесь! — крикнул он. — Я здесь!

Факелы развернулись на голос, копыта ударили быстрее. Первым подъехал мужчина лет пятидесяти — седая борода, шрам через щёку, усталые глаза человека, не спавшего долго. Осадил коня, посмотрел на Максима сверху вниз — се-

кунду, две — и выдохнул с облегчением, как выдыхают после долгого задержанного дыхания.

— Барчук, — сказал он. — Три дня ищем. Барон в ярости. Живы?

— Живой, — ответил Максим.

— Потом расскажете. — Мужчина уже спешивался, снимал плащ. — Поехали. До замка полдня пути, и барон ждать не любит.

Максима подсадили на коня. Отряд тронулся — организованно, привычно, без лишних слов.

Максим обернулся.

Тело Максимилиана Соловейского осталось лежать у воды, скрытое камнями и тенью. Никто не заметил. Или не подал вида.

Впереди, сквозь деревья, уже проступали очертания серых каменных башен — тёмные на фоне неба, где медленно клонилось к горизонту красноватое второе солнце.

Глава 2: Чужое имя

Три дня поисков

— Барчук, — повторил седобородый мужчина, помогая Максиму забраться на коня. Голос у него был низкий, прокуренный, с той особой хрипотцой, что появляется у людей, которые командуют другими всю жизнь. — Три дня как сбежали. Барон весь замок на уши поставил.

Максим вцепился в поводья, стараясь не свалиться. Верхом он не ездил лет пятнадцать — раз с пацанами в деревне у бабушки прокатился на колхозной лошади, и всё. Седло под ним казалось живым, дышащим существом, вздрагивающим при каждом шаге. Конь фыркал, недовольный неопытным всадником, но, к счастью, шёл спокойно, в общей колонне.

— Куда именно я сбежал? — осторожно спросил Максим, стараясь, чтобы вопрос звучал как обычное уточнение, а не как признание полного беспамятства.

Всадник хмыкнул, и в этом хмыке была целая история — усталости, привычки, старой обиды:

— Сами лучше знаете, барчук. Опять от уроков магистра прятались? Или от отцовских разговоров про долг перед родом? Вы уж в третий раз за год пропадаете. Раньше хоть в деревню к кузнецу бегали, дурака валять с молотом. А теперь совсем через границу баронства утекли.

Максим промолчал. Информации было слишком мало, а вопросов — слишком много, и каждый неверно заданный мог выдать его с головой. Он решил слушать и запоминать, как делал это на инструктаже перед выездом в горячую точку — не вступать, копить данные, действовать по обстоятельствам.

— Меня Вульф зовут, если забыли с перепугу, — продолжил мужчина, не оборачиваясь. — Командир замковой стражи. Ваш отец меня к вам ещё в пелёнках приставил, нянькой, считай, хотя я солдат, а не кормилица.

— Вульф, — повторил Максим, откладывая имя в память вместе с интонацией, с которой оно было произнесено — привычной, почти родственной. — А... долго до замка?

— Полдня, если не медлить. К закату будем.

Отряд тронулся быстрым шагом, разбивая утреннюю тишину леса топотом копыт. Максим держался за седло, чувствуя, как каждая мышца непривычного тела уже начинает ныть от напряжения. Странное ощущение — тело было чужим и своим одновременно. Моложе, крепче, без старых армейских травм, но с той же душой внутри, тревожной и настороженной.

Он разглядывал всадников вокруг, пытаясь оценить их так, как оценивал бы любую незнакомую группу людей — кто главный, кто опасен, у кого какое оружие. Кожаные доспехи с металлическими вставками на плечах и груди, короткие мечи в потёртых ножнах, у двоих — арбалеты за спи-

ной, тяжёлые, с механизмом взвода. Не голливудское фэнтези с блестящими латами — грубая, практичная амуниция, поношенная, залатанная в нескольких местах. Таковую носят люди, которые действительно воюют, а не изображают войну на сцен.

Язык, которого не знаю, но понимаю

Странность пришла не сразу, а нарастала постепенно, как звон в ушах после близкого выстрела. Максим слушал разговоры стражников — обрывки шуток, ворчание насчёт долгой дороги, короткие команды — и понимал каждое слово. Но что-то в самом звучании речи было неправильным, будто наложены друг на друга два языка одновременно: знакомые интонации, *familiar cadence* его родного, и совершенно чужая грамматика, слипшиеся в одно неразделимое целое. Он слышал русский и не-русский одновременно, и мозг просто принимал это как факт, не задавая вопросов, как принимает факт, что трава зелёная.

— Вульф, — не выдержал он через несколько минут молчания. — А на каком языке мы вообще говорим?

Тот обернулся всем корпусом в седле, странно посмотрел, и в его взгляде на секунду мелькнуло что-то похожее на тревогу:

— На человеческом. А на каком ещё, барчук? Вы точно головой не расшиблись?

— Просто... проверяю память. После того что случилось.

— А что случилось? — Вульф натянул поводья, придвигая коня ближе, понизил голос, чтобы остальные стражники не слышали. — Вас нашли бы раздетым и обезвоженным у реки, если бы сами не вышли к нам. Три дня — это не шут-

ки, барчук. Вспомнили хоть что-то из того, где были?

Максим лихорадочно соображал, взвешивая варианты, как взвешивал бы риски перед сложным ремонтом, когда одна ошибка может стоить пальцев. Врать сразу, придумывая детали — рискованно, он совсем не знает контекста, любая деталь может не совпасть с реальностью. Молчать — подозрительно, настораживает и без того недоверчивого командира стражи.

— Помню отрывками, — выдал он осторожно, подбирая слова с той же тщательностью, с какой подбирал бы нужный ключ к незнакомому болту. — Шёл через лес. Упал в воду. Дальше — темнота, и очнулся уже на берегу.

Вульф долго смотрел на него, потом кивнул, вроде бы удовлетворившись, хотя тень сомнения так и не покинула его лицо полностью:

— Магистр разберётся, когда доберёмся. Он не только чарами силен, лекарь хороший, повидал разное. Если голова пострадала — поправит.

Максим отметил про себя эту деталь и мысленно занёс её в список важного: значит, магия и медицина здесь связаны напрямую, не разделены, как в его мире. Полезное знание, если придётся выкручиваться дальше.

Дальше он слушал молча, вычленяя факты из случайных фраз стражников так, как вычленял бы неисправность из шума работающего механизма — по отдельным сигналам, по мелким деталям, складывающимся в общую картину. Барон-

ство Соловейских — не самое крупное во владениях коро-
ны, но уважаемое, с давней историей верной службы. Барон
Вольдемар — бывший военный, воевал на северной границе
с какими-то землями лет двадцать назад, получил тот самый
шрам через щёку в бою, о котором стражники говорили с по-
чтением, понижая голос. Старший сын, Родерик — гордость
семьи, сильный маг льда, единственный наследник, на кото-
рого возлагали все надежды рода. Дочь, Элис — способная
целительница, мягкая, но с характером. А младший, Макси-
милиан — позор семьи, без единой капли магического дара,
вечное разочарование отца.

Ирония кольнула где-то глубоко под рёбрами. Максим и
сам был без дара — по крайней мере, был им ещё несколько
часов назад. А потом одним движением руки, одним криком
отчаяния свалил на землю волка размером с телёнка.

Что бы сказал магистр про это?

Первое переключение

К полудню отряд остановился на привал у неглубокого ручья, петляющего меж камней. Кони пили воду, роняя капли с влажных морд, стражники разминали затёкшие от долгой езды ноги, кто-то развёл небольшой костёр, чтобы согреть остатки еды. Максим сел на плоский валун у самой воды, привалился к нему спиной, прикрыл глаза на секунду — просто дать отдых напряжённым мышцам.

И вдруг мир начал плыть.

Не как обморок, не как потеря сознания от усталости. Со всем иначе. Будто кто-то резко, без предупреждения, переключил канал в старом телевизоре — картинка мигнула, дёрнулась, и вместо неё возникла другая, совершенно чужая.

Максим увидел себя со стороны — но не в лесу, не на привале среди стражников. В белой, стерильно чистой комнате, среди тихо гудящих аппаратов, спутанных проводов, мониторов с зелёными линиями пульса.

Реанимация.

Его тело — настоящее, то самое, тридцатичетырёхлетнее, со шрамом от осколка на ноге и вьёвшейся под ногти машинной грязью, — лежало на узкой кровати, лицо скрыто под кислородной маской, грудь мерно поднималась и опускалась в такт работе аппарата искусственной вентиляции. Рядом, на пластиковом стуле, сидела Ольга. Постаревшая за одну ночь

на несколько лет, с тёмными кругами под глазами, с пепельным лицом человека, который не спал по-настоящему уже сутки. Она держала его руку — ту, настоящую руку, со шрамом от сварки — обеими своими ладонями, будто боялась, что если отпустит, случится что-то непоправимое.

— ...травма тяжёлая, множественные повреждения, — говорил врач за стеклянной перегородкой ординаторской, не подозревая, что пациент, находящийся в глубокой коме, каким-то невозможным образом слышит и видит его сейчас. — Кома, третья степень по шкале Глазго. Прогноз пока неопределённый. Первые семьдесят два часа — критические. Будем наблюдать динамику.

Ольга кивала, механически, не отпуская руку мужа, глядя прямо перед собой в одну точку.

— Артём здесь? — спросила она тихо, почти шёпотом.

— В коридоре, с вашей мамой, — ответил врач так же тихо. — Не хотела, чтобы ребёнок видел всё это оборудование. Хорошее решение.

Максим — тот Максим, что был сейчас лишь наблюдающим сознанием, зависшим где-то между двумя реальностями, — хотел закричать. Дотянуться. Сказать: «Я тут! Я слышу вас обоих! Артём, папа здесь, просто застрял, просто...» Но рта не было. Не было тела, способного произнести хоть звук. Только сознание, беспомощное, разорванное между двумя мирами, вынужденное молча наблюдать за собственной трагедией.

Видение обрывалось резко, как выдернутый из розетки шнур — без предупреждения, без плавного затухания, просто щёлк — и темнота.

Возвращение

Максим дёрнулся, открыл глаза — уже снова в лесу, на камне у ручья, окружённый недоумевающими лицами стражников, которые смотрели на него с тревогой и лёгким испугом.

— Барчук, вы в порядке? — Вульф тряс его за плечо, довольно грубо, явно уже не первый раз. — Побелели как полотно, глаза закатились. Мы уж думали, приступ какой.

— Голова закружилась, — выдавил Максим, хотя горло пересохло так, что слова царапали, как наждак. Руки тряслись, он с трудом скрывал это, спрятав ладони между коленями. — Пройдёт. Бывает после того, что случилось.

Он сидел, пытаясь осмыслить увиденное, пока стражники, всё ещё переговариваясь встревоженным шёпотом, возвращались к своим делам. Реанимация. Кома, третья степень. Ольга, держащая его руку так, будто это последняя нить, связывающая её с прежней жизнью. Артём в коридоре, не видящий всех этих трубок и проводов.

Значит, там его настоящее тело живо. Просто спит — глубоким, механически поддерживаемым сном. А сюда, в этот странный мир с двумя солнцами, попало его сознание — или что-то похожее на сознание, оторвавшееся от тела и застрявшее в чужой оболочке.

И раз он только что видел настоящую больницу, настоя-

щих людей, настоящую боль на лице бывшей жены — это не сон, не предсмертный бред умирающего мозга, пытающегося придумать красивую историю перед концом. Это реально. Оба мира реальны одновременно, существуют параллельно, и он, каким-то невозможным образом, привязан к обоим сразу.

Вопрос был другой, и от него холодело в груди сильнее, чем от утреннего купания в реке: сколько времени у него есть, прежде чем там, в реальном мире, на той узкой больничной кровати, всё закончится окончательно?

Замок Соловейских

К вечеру, когда меньшее из двух солнц уже коснулось верхушек деревьев, а большее начало наливаться тяжёлым оранжевым светом, лес наконец расступился, открывая вид на замок.

Максим невольно выпрямился в седле.

Серый, почти чёрный от старости камень. Четыре приземистые квадратные башни по углам, без изящных шпилей и вычурных украшений. Ров с мутной, стоячей водой, отражающей закатное небо неровными бликами. Поднятый мост, который со скрипом и лязгом цепей начал опускаться, едва отряд приблизился к воротам.

Не Disney-крепость с шпилями до неба, не картинка из детской книжки сказок. Приземистое, тяжёлое, функциональное сооружение — как настоящая средневековая фортификация, построенная людьми, которые понимали толк в осадах и штурмах, а не декораторами, думающими о красоте силуэта. Максим, повидавший за годы службы не одну реальную крепость, невольно отметил профессионализм постройки — узкие бойницы, расположенные под удобным для стрелков углом, толщину стен, явно рассчитанную на удар таранов.

У ворот отряд встретили факелы и встревоженные голоса слуг, высыпавших из внутренних построек. Максима спешит-

ли почти насильно — заботливые, но грубоватые руки стащили его с коня, — и повели через внутренний двор, мощённый неровным камнем, к главному зданию. Там, на широком каменном крыльце, освещённом парой чадающих факелов, ждали трое.

Мужчина лет пятидесяти — высокий, сухой, с седеющей коротко стриженной бородой и глубоким, старым шрамом, тянувшимся через всю щёку от уголка глаза до подбородка. Он стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и его взгляд напомнил Максиму взгляд бывшего командира части перед строем провинившихся: холодный, оценивающий, не пропускающий ни единой детали. Барон Вольдемар.

Рядом, чуть впереди, — молодой человек лет двадцати семи, статный, широкоплечий, в дорогой, хорошо скроенной одежде с меховой оторочкой, с презрительной, почти брезгливой складкой у губ. Родерик.

И девушка лет девятнадцати, светловолосая, в простом, но опрятном платье, с тревогой в светлых глазах, которую она явно пыталась спрятать за маской формальной вежливости. Элис.

— Наконец соизволил вернуться, — процедил барон, не двигаясь с места, не делая ни шага навстречу. Голос у него был низкий, тяжёлый, привыкший командовать и не привыкший встречать возражения. — Три дня заставил искать себя по всему баронству, как беглого раба.

Максим спустился с коня, чувствуя, как во внутреннем

дворе на него смотрят десятки глаз — слуги, стражники, конюхи, все, кто оказался рядом в этот момент. Каждый взгляд был как физическое прикосновение, неприятное, оценивающее.

— Простите, отец, — выдавил он, пробуя роль на язык, как примеряют чужой, неудобный сапог. Слово отозвалось странным эхом где-то внутри, будто он натягивал на себя одежду с чужого плеча.

Родерик хмыкнул, не скрывая презрения:

— Сбежал, испугался ответственности, приполз обратно, поджав хвост. Как всегда, братец. Хотя в этот раз не притащил с собой очередную безумную идею про побег в столицу.

Барон резко поднял руку, останавливая сына жестом, не терпящим возражений:

— В покои. Умыться, поесть, отдохнуть с дороги. Разговор о случившемся — завтра утром, на свежую голову. — Он развернулся всем корпусом, тяжело поднялся по ступеням и ушёл в дом, не удостоив младшего сына больше ни единым взглядом.

Родерик бросил последний, полный презрения взгляд на Максима и последовал за отцом, задержавшись лишь на секунду, чтобы бросить через плечо что-то тихое и явно нелестное.

Только Элис задержалась на крыльце дольше положенного, глядя на Максима внимательнее, чем следовало бы смотреть на просто вернувшегося брата. В этом взгляде читалось

что-то большее, чем облегчение — настороженность, почти узнавание чего-то чужого в знакомых чертах.

Элис

Максима отвели в его комнату — небольшую, каменную, с узкой кроватью, покрытой грубым шерстяным одеялом, и единственным окном-бойницей, через которое в сумерках почти не проходило света. Служанка, молчаливая девушка лет пятнадцати, принесла кувшин воды для умывания и простую еду на деревянном поддоне: ломоть чёрного хлеба, кусок твёрдого сыра, немного вяленого мяса, кружку разбавленного вина.

Он ел механически, почти не чувствуя вкуса, пытаясь переварить лавину событий одного бесконечно длинного дня. Реанимация. Ольга, стареющая на глазах от горя. Артём, не видящий отца за стеклянной перегородкой. Замок, поднявшийся из леса, как каменное воплощение чужой судьбы. Отец, смотрящий с холодным презрением. Брат, откровенно ненавидящий с первой секунды встречи.

Дверь тихо, почти неслышно приоткрылась. Элис проскользнула внутрь, быстро прикрыв за собой створку, будто боялась, что кто-то заметит её визит.

— Макс, — прошептала она, подходя ближе, и в её голосе слышалось напряжение человека, решившегося на что-то важное. — Можно так тебя называть? Ты всегда просил, когда мы одни, без отца и Родерика.

— Можно, — кивнул он, напряжённо разглядывая девуш-

ку в неровном свете единственной свечи. Она была первой за весь этот бесконечный день, кто смотрел на него не с формальной вежливостью и не с открытым презрением, а с искренней, почти болезненной тревогой.

Элис подошла ближе, вглядываясь в его лицо так пристально, будто искала там ответ на вопрос, который боялась задать вслух:

— Ты... другой. Не знаю, как объяснить это словами, но чувствую совершенно ясно. Глаза другие — смотрят иначе, тяжелее, будто видели что-то, чего не видел мой брат. Ты двигаешься по-другому, даже сидишь по-другому. Даже голос звучит иначе, хотя я узнаю в нём твой тембр.

Максим молчал, чувствуя, как внутри нарастает знакомое по армейской службе ощущение — момент, когда нужно принять решение, от которого зависит всё дальнейшее, и медлить больше нельзя.

— Я твоя сестра, — продолжила она тише, почти шёпотом, будто боялась, что стены замка могут услышать. — Единственная во всей этой семье, кто хоть немного тебя понимала, кто слушал, когда ты говорил о том, как тесно тебе в этих стенах. Скажи мне правду. Пожалуйста. Я не выдам, чтобы ни случилось.

Максим смотрел на неё долго, взвешивая последний раз — и потом решил, как решался когда-то шагнуть в простреливаемый коридор, потому что иначе было нельзя:

— Если я скажу тебе, что я не Максимилиан... ты пове-

ришь мне? Не сочтёшь безумцем?

Элис замерла на месте. Побледнела так, что в неровном свете свечи это было заметно даже сквозь тени.

— Что ты имеешь в виду? — её голос дрогнул.

— Максимилиан утонул, — тихо, почти беззвучно произнёс Максим, глядя ей прямо в глаза. — Я нашёл его тело у реки, ниже по течению. Он был мёртв уже какое-то время. А я... я очнулся в его теле, на том же берегу, но помню совершенно другую жизнь. Другой мир. У меня там сын, которого я обещал научить чинить велосипед.

Тишина повисла в маленькой комнате, тяжёлая, почти физически ощутимая, звенящая, как натянутая струна.

Элис отступила на шаг, рука взлетела ко рту, глаза расширились от потрясения, смешанного с чем-то ещё — возможно, страхом, возможно, странным, почти невозможным облегчением.

Глава 3: Испытание объявлено

Вера

Элис стояла неподвижно, рука всё ещё прикрывала рот, глаза широко распахнуты — в них читался шок, смешанный с чем-то ещё, чего Максим не мог разобрать сразу. Не ужас. Не отвращение. Что-то другое, более глубокое.

В слабом свете единственной свечи, мерцающей на столе у окна, тени плясали по её бледному лицу, делая выражение то испуганным, то почти успокоенным, то снова потрясённым — будто она проживала несколько эмоций одновременно, не в силах остановиться на одной.

Тишина растягивалась. Максим ждал, не зная, чего ждать. Крика? Обвинения в безумии? Побега и зова стражи?

— Магия Разломов, — прошептала она наконец, так тихо, что Максим едва расслышал даже в полной тишине комнаты. — Я слышала легенды. Старые, почти забытые, которым меня учила бабушка втайне от отца, когда я была маленькой. Про души, меняющиеся местами через трещины между мирами. Про людей, попадающих туда, откуда не должны были попасть никогда.

Она медленно опустила руку, провела пальцами по лбу, будто пытаясь собрать мысли в кучу, разложить их в правильном порядке.

— Бабушка говорила, что Разломы — это не просто места,

где появляются демоны. Это шрамы на теле мира. Места, где ткань реальности истончилась настолько, что два мира касаются друг друга. И иногда, очень редко, души проскальзывают сквозь. — Элис подняла глаза, посмотрела на Максима пронзительно, изучающе. — Значит, настоящий Максимилиан... мой брат... он правда мёртв?

— Я нашёл его тело у реки, — повторил Максим тихо, но твёрдо, не отводя взгляд, давая ей увидеть правду в своих глазах. — Он утонул. Наверное, специально. В письме, которое я нашёл в его сумке, он писал, что не может больше оставаться здесь. Что это замок-тюрьма.

Элис закрыла лицо обеими руками, плечи задрожали. Беззвучные всхлипы сотрясали её хрупкую фигуру. Максим застыл, не зная, имеет ли право утешать её — он был причиной этой боли, пусть невольной, пусть случайной. Чужак, занявший место её брата. Какое право у него прикоснуться к её горю?

Но через несколько мгновений — показавшихся вечно­стью — она выпрямилась, смахнула слёзы резким, почти злым движением, вдохнула глубоко, собираясь с силами. В её глазах проступила та самая сталь, что бывает только у людей, переживших слишком много потерь слишком рано.

— Он был несчастен здесь, — произнесла она хрипло, но твёрдо, будто произносила приговор самой себе, своей семье, этому замку. — Годами. С того самого дня, когда отец понял, что у Макса нет дара. Отец давил на него, требовал

невозможного — проявить то, чего не было и быть не могло. Родерик унижал его при каждой возможности, на глазах у слуг, стражи, гостей. Называл позором рода. Максу было... невыносимо тяжело здесь. Я пыталась поддержать, разговаривала с ним по ночам, когда он приходил ко мне в башню, пытался не плакать. Но я не смогла удержать его. Не смогла защитить.

Голос её дрогнул на последних словах, но она сжала кулаки, заставила себя продолжить:

— Если магия Разломов привела тебя сюда, забрав его душу, отпустив её туда, где ему будет лучше, — значит, так было нужно. Значит, мир сам решил, что его страданиям пора закончиться. — Она подняла глаза на Максима, и в них теперь читалась странная, почти жестокая решимость. — Тогда живи вместо него. Живи за него, раз уж носишь его лицо, его имя. Сделай то, что он не смог — найди способ быть счастливым здесь. Или найди способ уйти так, как он не сумел — с достоинством, не утонув в реке как загнанный зверь.

Максим кивнул медленно, чувствуя, как что-то сжимается в груди — благодарность, острое облегчение оттого, что его не выдали, не сочли безумцем, и одновременно тяжёлая, давящая вина за чужую жизнь, которую он, сам того не желая, занял.

— Спасибо, — выдавил он, и голос прозвучал хрипло. — Правда. Я постараюсь не опозорить его память. Но я не знаю, как долго продержусь. Моё настоящее тело там, в моём ми-

ре... оно в коме. Я видел его сегодня, когда мы ехали сюда. Это случилось внезапно, на привале — будто меня выдернули отсюда и швырнули туда. Видел реанимацию, врачей, жёну. Врачи сказали — семьдесят два часа критические. Если за это время не будет улучшения, начнут говорить об отключении аппаратов.

Элис нахмурилась, глаза сузились — она явно быстро соображала, прикидывала что-то в уме:

— Семьдесят два часа в твоём мире... Если время правда течёт по-разному, как в легендах, то здесь это может быть месяц. Может, даже полтора. — Она провела рукой по волосам, нервно убрала прядь за ухо. — Времени мало, но оно есть. Не всё потеряно. Значит, надо искать способ вернуть тебя обратно, стабилизировать твоё тело там, пока ты здесь. Или найти способ существовать в обоих мирах одновременно, не теряя связи ни с одним.

— А как это возможно?

— Разломы, — ответила она коротко, решительно. — Это не случайные дыры в реальности. Это места силы, точки соприкосновения миров. Если ты попал сюда через Разлом — а судя по всему, так и было, иначе объяснения нет, — то, может быть, через него же сможешь вернуться. Или хотя бы понять механику происходящего, найти способ контролировать переходы.

— А где эти Разломы? — Максим подался вперёд, ловя каждое слово.

— Ближайший — на северной границе нашего баронства, в Серых горах. День пути на коне, может, чуть больше. Оттуда несколько раз в год вырываются демоны, иногда по одному, иногда стаями. Отец регулярно отправляет туда стражу, зачищать окрестности, закрывать прорывы временными печатями. — Элис задумалась, кусая нижнюю губу. — Но попасть туда просто так ты не сможешь. Отец не отпустит тебя никуда без серьёзной причины, особенно сейчас, после того, как ты сбежал и три дня заставил всех искать тебя. Он будет держать тебя под присмотром. Вульф получит приказ следить за тобой, я уверена.

Максим кивнул, понимая масштаб проблемы. Нужен был повод, легальная причина покинуть замок, оказаться рядом с этим Разломом, не вызывая подозрений и не обрекая себя на побег с последующим объявлением в розыск.

— Тогда я буду искать способ, — твёрдо сказал он, сжимая кулаки. — Любой. Но пока... как мне держаться здесь? Что я должен знать, чтобы не вызывать подозрений у других? Ты сказала, что я изменился — другие тоже это заметят.

Элис кивнула, придвинулась ближе к столу, села на край кровати, заговорила быстрее, деловито, почти по пунктам — как учительница, дающая краткий инструктаж перед экзаменом:

— Отец — барон Вольдемар Соловейский. Пятьдесят два года. Он был генералом королевской армии на северной границе, воевал там двадцать лет подряд против кочевников и

тварей из-за Разлома. Получил тот шрам на лице в бою, когда спасал весь отряд от засады. Жёсткий, требовательный до жестокости, но справедливый — не наказывает без причины, но и слабости не прощает никогда. Максимилиан разочаровал его — отсутствием дара, нежеланием воевать, постоянными попытками сбежать. Для отца это было предательством рода. — Элис помолчала, подбирая слова. — Лучше при нём молчи больше, чем говори. Отвечай коротко, по делу. Не оправдывайся — это он воспринимает как слабость, как трусость. Лучше промолчать, чем унижаться. Это он понимает и хоть немного уважает.

— Понял, — кивнул Максим. Такое он знал — в армии встречал командиров этого типа. С ними надо держать спину прямо и смотреть в глаза, даже если страшно.

— Родерик — старший брат, двадцать семь лет. Маг льда, один из сильнейших в королевстве среди своего поколения. Уже в двадцать лет заморозил озеро целиком, остановив наступление врагов через него. Отец им гордится безмерно. Родерик это знает и упивается своим превосходством. Гордый, амбициозный, презирает всех, кто слабее него — а Макс всегда был в его глазах олицетворением слабости. Ненавидит, что вы носите одну фамилию, что вы — братья, что кровь одна. Считает, что Макс позорит род одним своим существованием. — Элис сжала губы. — Не пытайся ему понравиться — это невозможно и только хуже сделаешь. Будь... нейтрален. Не провоцируй, но и не унижайся.

Он чувствует слабость как акула кровь, и нападает на неё.

— Ясно, — Максим мысленно записывал, как записывал бы параметры сложного механизма перед разборкой.

— Я — Элис, младшая, девятнадцать. Целительница. У меня есть дар, но он слабее, чем у Родерика — я не могу замораживать озёра или сжигать врагов. Но могу лечить раны, останавливать кровь, снимать боль. Отец не требует от меня боевой магии — женщинам здесь в целом проще, от нас ждут целительства, поддержки, хорошего брака и продолжения рода, а не воинской славы. — Она помолчала, в голосе появилась горечь. — Макс тебе доверял больше всех в этом замке. Приходил ко мне, когда ему было совсем плохо, когда не мог больше держать лицо. Ты можешь доверять мне. Я не выдам тебя.

Максим почувствовал тепло в груди — за весь этот безумный, бесконечный день у него наконец появился настоящий союзник. Не формальный, не вынужденный — искренний.

— Слуги, — продолжила Элис, возвращаясь к инструктажу. — Они лояльны семье Соловейских в целом, но не тебе лично. Макс был изгоем даже среди них. К нему относились с жалостью в лучшем случае, в худшем — с презрением, скрытым за показной вежливостью. Они не помогут тебе против отца или Родерика. Не рассчитывай на их поддержку. Вульф — командир стражи, ты его уже встретил — он добрый человек в глубине души, справедливый, но подчиняется отцу беспрекословно. Если отец прикажет запереть тебя

в башне или следить за каждым шагом — Вульф исполнит без колебаний, даже если ему будет жаль.

Максим мысленно выстраивал карту окружения — союзники, враги, нейтральные фигуры. Как на минном поле: надо знать, куда наступать можно, а куда смертельно.

— А завтра? Что будет утром? — спросил он тихо.

Элис тяжело вздохнула :

— Разговор с отцом. Официальный, серьёзный. Он требует объяснений — куда ты пропал, зачем сбежал, что собирался делать. Будет проверять тебя, смотреть, изменился ли ты, повзрослел ли, стал ли хоть чуть-чуть достойным носить имя Соловейских. — Она помолчала, посмотрела Максиму прямо в глаза. — Будь другим. Не таким, каким был Макс — жалким, оправдывающимся, плачущим. Не умоляй о прощении, не проси жалости. Держись с достоинством. Покажи, что ты изменился, что пережитое у реки — чем бы оно ни было на самом деле — изменило тебя. Это единственный способ заслужить хоть каплю уважения отца. Он уважает только силу и достоинство.

Максим кивнул. Это он умел — держать лицо, когда тяжело, когда внутри всё сжимается от страха или боли. Армия научила. Развод научил. Жизнь научила.

Элис поднялась, направилась к двери бесшумной тенью, но на пороге остановилась, обернулась, задержала взгляд на Максиме ещё на мгновение:

— И ещё одно. Если завтра спросят про магию, про то, как

ты отбился от волков, если Вульф расскажет отцу, — скажи правду. Что не знаешь, как получилось. Что это произошло само, инстинктивно, в момент страха. Что ты пытаешься понять, как это работает. Полуправда лучше лжи. Ложь здесь вычисляют быстро — маги чувствуют её, особенно сильные. Магистр, когда приедет, распознает любую ложь мгновенно. Так что привыкай говорить правду, просто не всю сразу.

Она выскользнула за дверь, бесшумно прикрыв её за собой, как призрак, которого и не было.

Максим остался один, в тишине маленькой каменной комнаты, с остатками остывшего ужина на столе и догорающей свечой, отбрасывающей длинные дрожащие тени на серые стены.

Впервые за весь этот бесконечный, невозможный день он позволил себе по-настоящему выдохнуть, опустить плечи, закрыть лицо руками.

Он был жив.

У него был союзник.

У него был месяц, может, чуть больше.

Оставалось только выжить здесь достаточно долго, чтобы найти способ вернуться туда — к Артёму, к Ольге, к настоящей жизни.

Утро. Кабинет барона

Утро пришло слишком рано, слишком резко, слишком безжалостно.

Максима разбудил стук в дверь — грубый, требовательный, не оставляющий выбора игнорировать его.

— Барчук, отец ждёт в кабинете. Немедленно, — проворчал голос стражника за дверью — незнакомый, хриплый, не Вульфа.

Максим сел на кровати, потёр лицо ладонями, разгоняя остатки тяжёлого сна. Снились обрывки — больница, Артём, река, волки, всё вместе, перемешанное в безумный калейдоскоп. Голова гудела.

Он поднялся, плеснул в лицо ледяной водой из кувшина — это помогло прийти в себя, — натянул чистую одежду, которую кто-то принёс вчера вечером, пока он спал: простую холщовую рубаху серого цвета, кожаный жилет, потёртые, но крепкие штаны, сапоги. Всё сидело странно, хотя формально было точно по размеру — чужое тело, чужая одежда, чужая жизнь, в которую он теперь должен был вписаться.

Стражник провёл его по длинным коридорам замка — холодным, каменным, пахнущим сыростью, дымом очагов и чем-то ещё, едва уловимым, что Максим не мог опознать сразу. Древностью, может быть. Или просто временем, впитавшимся в камень за столетия.

Остановились перед массивной дубовой дверью, обитой потемневшим от времени железом, с тяжёлыми коваными петлями. Стражник постучал дважды — коротко, чётко.

— Барчук Максимилиан, милорд.

— Войти, — донёсся из-за двери голос барона.

Голос был как удар молота по наковальне — коротко, железно, без интонаций.

Максим переступил порог, и дверь за его спиной закрылась с глухим стуком.

Кабинет оказался именно таким, каким Максим его себе и представлял — аскетичным до суровости. Никаких украшений, картин, дорогих гобеленов. Только функциональность, выверенная до предела. Большой дубовый стол, заваленный картами — военными, судя по разметке, — свитками бумаг, несколькими книгами в кожаных переплётах. На стенах — оружие, развешанное с той же точностью, с какой вешают инструменты в мастерской: мечи разной длины и веса, копья, боевой топор, щит с гербом Соловейских — серебряный соловей с распростёртыми крыльями на чёрном поле. В углу — старые доспехи на деревянной подставке, помятые, поцарапанные, со следами глубоких ударов на нагруднике. Боевые, реальные, не парадные.

Барон сидел за столом, не поднимая головы, дописывая что-то на листе пергамента — перо скрипело, чернила поблёскивали. Максим стоял, ждал, не решаясь сесть без приглашения. Минута тянулась. Другая. Скрип пера. Тишина, тяжёлая, давящая.

Наконец барон отложил перо в чернильницу, аккуратно промокнул написанное песком, смахнул его, поднял глаза — тяжёлые, стальные, холодные, как зимний лёд.

— Три дня, — произнёс он без всяких предисловий, без

приветствий, сразу в суть. — Три дня ты заставил меня отправлять людей на поиски по всему баронству и даже за его пределы. Отвлёк двадцать стражников от границы, где демоны прорываются каждую неделю, где люди гибнут, защищая наши земли. Объясни. Сейчас.

Максим держал взгляд, не опуская глаз, хотя внутри всё сжалось в тугой узел. Вспомнил слова Элис — не оправдывайся, не ной, не умоляй. Скажи правду, но с достоинством.

— Я хотел уйти, — сказал он ровно, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Навсегда. Устал быть обузой для рода, позором в глазах семьи.

Барон прищурился, наклонил голову чуть вбок, изучающе, как изучают противника перед дуэлью:

— Уйти. Куда именно?

— Куда угодно, — ответил Максим, и в этих словах была правда — Максимилиан хотел уйти куда угодно, лишь бы подальше. — Подальше от места, где все знают, что я бездарь без единой искры дара. Где каждый взгляд — напоминание о том, что я не оправдал надежд.

Тишина повисла снова, ещё более тяжёлая.

Барон медленно встал, обошёл стол — движения выверенные, экономные, как у старого бойца, который не делает лишних жестов, — подошёл вплотную к Максиму. Высокий, сухой, жилистый, как выжженное степное дерево, но крепкий, негиббемый. Смотрел сверху вниз, оценивая каждую деталь — осанку, выражение лица, дрожание рук или его от-

сутствие.

— Ты изменился, — наконец произнёс он медленно, взвешивая каждое слово. — Голос другой. Взгляд другой — жёстче, увереннее. Раньше ты бы уже плакал и просил прощения на коленях, как делал всегда, когда совершал очередную глупость.

Максим промолчал, стиснув зубы, не зная, что на это ответить, не зная, хорошо это или плохо.

— Вульф говорит, ты едва не утонул в реке. Что нашли тебя обезвоженным, на грани смерти. — Барон отступил на шаг, скрестил руки на груди. — Может, вода мозги прочистила. Может, близость смерти отрезвила. Поздно, конечно, слишком поздно, но лучше поздно, чем никогда.

Он вернулся за стол, сел, сцепил пальцы в замок, положил руки на стол — жест, который Максим где-то видел, в другой жизни, у другого начальника, когда тот объявлял что-то важное и окончательное.

— Через три дня прибудет магистр Торвальд, — сказал барон, не отрывая взгляда от Максима. — Королевский маг высшего ранга, инспектор северных земель. Он проведёт Испытание Пробуждения для всех детей благородных семей нашего региона — проверит, у кого дар проявился, у кого усилился, кого можно рекомендовать в Академию магии. — Голос стал жёстче, холоднее. — Это твой последний шанс, Максимилиан. Самый последний. Если провалишь испытание, если снова покажешь полное отсутствие дара — я от-

правлю тебя в монастырь Святого Эриха на севере. Там хотя бы пользу принесёшь, переписывая книги и молясь за род. Но в этом замке ты больше не останешься.

Максим почувствовал, как холод разливается в животе, ползёт вверх, к горлу. Монастырь — это не просто изгнание, это конец любых надежд. Тюрьма на всю жизнь. Конец возможности искать Разлом, найти способ вернуться домой, к Артёму, к настоящей жизни.

— Я постараюсь, — выдавил он, и голос прозвучал хрипло, несмотря на все попытки удержать контроль.

— Не старайся, — отрезал барон, и в его голосе была сталь. — Сделай. Или исчезни из моей жизни навсегда. — Он махнул рукой к двери, отпуская. — Иди. Готовься. Три дня. Используй их с умом.

Максим развернулся, вышел, закрыл за собой дверь, приклонился к холодной стене коридора, перевёл дух.

Три дня до испытания.

Три дня, чтобы понять, как работает магия в этом мире, когда всю жизнь до этого момента он не имел к ней никакого отношения.

Три дня, или конец.

Библиотека. Поиск ответов

Максим бродил по замку почти час, пока не нашёл библиотеку — небольшую, почти крошечную комнату на третьем этаже одной из угловых башен. Дверь была приоткрыта,

внутри царили пыль, полумрак и запах старой бумаги.

Он вошёл, прикрыл дверь за собой. Стеллажи вдоль стен, забитые книгами — старыми, потрёпанными, в кожаных переплётах, потемневших от времени. Пахло плесенью, воском свечей и чем-то ещё — временем, наверное. Узкое окно пропускало слабый свет, в котором плясали пылинки.

Максим начал читать.

Первая книга, которую он вытащил наугад — «Основы магии для благородных детей». Написана архаичным, тяжеловесным языком, но в целом понятно.

Магия, согласно книге, это дар, врождённая способность. Только те, у кого есть дар, могут видеть и чувствовать ману — невидимую энергию, пронизывающую весь мир, текущую через всё живое и неживое. Без дара человек слеп к мане, как слепой к свету. Он может знать теорию, но никогда не сможет использовать её на практике.

Максим нахмурился. Значит, вопрос первый — есть ли у него этот дар? Вчера у реки он что-то сделал, это точно. Волк отлетел от его руки, как от невидимого удара. Значит, что-то внутри сработало. Вопрос — что именно? Дар Максимилиана, который вдруг проснулся? Или что-то из его мира, что прошло через Разлом вместе с ним?

Он читал дальше, перелистывая страницы.

Заклинания состоят из трёх обязательных компонентов:

Руны — символы, которые структурируют хаотичную ману, придают ей форму, направление, свойство. Каждая руна

имеет значение. Руна Игнис — огонь. Руна Аква — вода. Руна Мотус — движение. Руна Скутум — защита. Комбинируя их, маг создаёт заклинание нужного типа.

Жест — физическое действие, которое открывает внутренние каналы маны в теле мага и запускает поток энергии наружу. Жесты бывают разные для разных школ магии, но базовые — универсальны.

Слово силы — звук, который резонирует с маной, усиливает её, активирует структуру заклинания, созданную рунами. Без слова руны остаются мёртвыми символами.

Все три компонента обязательны. Пропустишь хотя бы один — заклинание не сработает или сработает неправильно, с непредсказуемыми последствиями.

Максим сидел, уставившись в книгу, пытаясь вспомнить, что он делал вчера у реки.

Руны? Нет. Он не рисовал никаких символов в воздухе. Даже не знал, как они выглядят.

Жест? Да, он выбросил руку вперёд. Но это был не магический жест — просто инстинкт, защита.

Слово силы? Он закричал — «Отъебись!» — обычное, грубое, русское ругательство.

И волна всё равно вырвалась.

— Значит, правила не абсолютны, — пробормотал Максим себе под нос, чувствуя, как в голове начинает складываться что-то похожее на понимание.

Он вытащил ещё одну книгу с полки — «Природа магиче-

ского дара и Пробуждение». Пролистал, нашёл нужную главу.

«Дар проявляется в детстве, чаще всего в возрасте от пяти до двенадцати лет, в момент сильной эмоции — страха, гнева, радости, горя. Ребёнок, не понимая что делает, неосознанно направляет ману, создавая эффект — вспыхивку огня, щит, удар ветра. Это называется Пробуждением. После Пробуждения ребёнка начинают учить контролю, дисциплине, формулам. Без обучения дар остаётся диким, нестабильным, опасным для самого мага и окружающих».

Максим перечитал абзац дважды. Значит, магия реагирует на эмоции — на сильные, неконтролируемые эмоции. Страх пробивает внутренний блок, запускает поток маны помимо воли мага.

У него вчера был страх. Смертельный ужас перед стаей волков. И ярость — на волка, на ситуацию, на весь этот безумный мир, в который его швырнуло без спроса.

Значит, его магия — если это вообще можно назвать магией — работает через эмоции?

Он провёл в библиотеке весь день, не вставая, читая книгу за книгой, делая заметки на клочках бумаги, которые нашёл в ящике стола. К вечеру глаза слипались, буквы плыли перед взглядом, но в голове начало складываться что-то похожее на понимание, на систему.

Магия здесь — это механизм. Руны — детали, компоненты. Мана — источник энергии, топливо. Жест и слово —

способ запуска, кнопка включения. Стандартные заклинания, которым учат в Академии, — это готовые чертежи, проверенные веками, безопасные, предсказуемые.

Но что, если эти чертежи неэффективны? Что, если их можно улучшить, оптимизировать, как он когда-то улучшал работу старых прессов и станков на заводе — убирал лишние детали, добавлял недостающие, менял последовательность действий?

Слесарь внутри него ожил, заинтересовался.

Если магия — механизм, значит, её можно разобрать и собрать заново. Лучше.

Первая попытка

Ночью, когда замок погрузился в тишину, нарушаемую лишь редким окриком стражи на стенах и завыванием ветра в бойницах, Максим закрыл дверь своей комнаты на тяжёлый железный засов, поставил свечу на стол, раскрыл книгу на странице с описанием простейшего заклинания — базовое «Вызов огня».

Три руны, нарисованные чёрными чернилами на пожелтевшем пергаменте:

Игнис (пламя) — выглядела как стилизованный язык кобры.

Вита (жизнь, энергия) — спираль, закрученная внутрь.

Экстра (выброс наружу) — стрела, направленная от центра.

Жест: указательный и средний пальцы вместе, плавный

взмах вперёд от груди.

Слово силы: **Инсендиум**.

Максим вытянул руку над свечой, попробовал нарисовать первую руну в воздухе, как описано в книге — «проведи пальцем, вкладывая волю, и руна проявится светящимся следом».

Ничего не произошло. Палец просто резал пустой воздух, никакого светящегося следа, никакой магии.

Максим попробовал ещё раз, сосредотачиваясь сильнее, пытаюсь «вложить волю», что бы это ни значило.

Снова ничего.

— Чёрт, — выдохнул он, опуская руку.

Может, надо по-другому?

Он закрыл глаза, заставил себя вспомнить волка. Пасть, раскрытую в прыжке. Клыки. Жёлтые глаза, полные хищного голода. Страх, сжимающий сердце. Ярость, вырывающуюся из груди.

И Артёма. Больницу. Ольгу с документами на отключение аппаратов.

Злость накатила волной — горячей, обжигающей, почти физически ощутимой.

Максим резко распахнул глаза, выбросил руку вперёд, не думая о рунах, жестах, словах силы из книги:

— Гори! — крикнул он по-русски, не на местном языке, а на своём, родном.

Воздух дрогнул, словно по нему прошла невидимая рябь.

Над ладонью вспыхнул огонёк — крохотный, размером с горошину, но настоящий, живой. Горел ярко-оранжевым, слегка дрожал, как пламя спички.

Секунду.

Две.

Погас.

Максим уставился на свою ладонь, на которой не осталось ни следа ожога, ни следа пламени — только лёгкое покалывание, как от статического электричества.

Получилось.

Слабо, коряво, нестабильно, но получилось.

Значит, дар есть. Или появился после попадания сюда. Или был у Максимилиана, но проявился только сейчас, когда внутри его тела оказалось другое сознание, с другими эмоциями, другой волей.

Он попробовал ещё раз, на этот раз осознанно вызывая эмоцию — вспомнил последний день перед разводом, когда Артём плакал, цеплялся за куртку и не хотел отпускать, а Ольга стояла в стороне с каменным лицом.

Огонёк вспыхнул снова. Чуть больше, размером с вишню. Чуть ярче. Подержался три секунды — и погас.

Максим сжал кулак, гася последние искры.

Он сел за стол, положил перед собой книгу, достал чистый лист бумаги и огрызок угля для записей.

Три дня.

За три дня ему надо научиться тому, чему магов учат го-

дами.

Невозможно?

Может быть.

Но у него не было выбора.

Он начал писать, делая заметки, разбирая заклинание на части, как разбирал бы сломанный механизм — по винтику, по детали, пока не поймёт, как оно устроено и как заставить его работать.

Утро второго дня. Известие.

Максима разбудил крик во дворе — резкий, встревоженный, прорезающий утреннюю тишину замка как нож.

Он вскочил с кровати, где так и заснул одетым, не раздеваясь, подбежал к узкому окну-бойнице. Внизу, у ворот, — всадник, грязный, измотанный, сползающий с коня прямо в руки стражников. Конь под ним в мыле, дышит тяжело, явно гнали без остановок.

Через несколько минут в дверь его комнаты постучали — громко, настойчиво. Вульф.

— Барчук, отец срочно созывает всех в главный зал. Немедленно.

Максим натянул сапоги, плеснул в лицо водой из кувшина, выскочил в коридор.

Спустился по каменной лестнице в главный зал замка — большое помещение с длинным столом, камином, гербами на стенах. Там уже собралась вся семья — барон у камина, лицо ещё мрачнее, чем вчера, Родерик рядом, скрестив руки

на груди, Элис у окна, бледная, встревоженная. Слуги вдоль стен. Стража у дверей.

Максим встал в сторонке, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Что-то случилось. Что-то плохое.

Барон молчал, глядя в огонь камина, потом резко развернулся ко всем:

— Магистр Торвальд выехал из столицы раньше срока, — объявил он коротко, жёстко, как отдавал бы приказ перед боем. — Прибудет сегодня, к вечеру. Испытание Пробуждения состоится завтра утром, на рассвете.

Тишина упала в зал, как тяжёлый камень, придавив всех разом.

Родерик усмехнулся, переведя взгляд на Максима, и в этой усмешке было столько презрения, сколько можно было вместить в одно выражение лица:

— Готов, братец? Или опять попытаешься сбежать в последний момент?

Максим не ответил, но внутри всё похолодело.

Не три дня.

Один.

Меньше суток до испытания, которое определит всю его дальнейшую судьбу здесь.

Элис бросила на него встревоженный, почти отчаянный взгляд, но ничего не сказала вслух.

Барон сделал шаг вперёд, остановился перед Максимом, посмотрел в глаза:

— У тебя несколько часов до прибытия магистра. Используй их с умом. Это последнее, что я могу тебе дать.

Он развернулся, вышел из зала, не оглядываясь.

Родерик прошёл мимо Максима, задев плечом — нарочито, грубо, — и бросил вполголоса:

— Готовься к монастырю, неудачник.

Элис задержалась, подошла ближе, прошептала так, чтобы никто не слышал:

— Иди в библиотеку. Или в тренировочный двор, если нужно. Я прикрою, если отец будет искать. Делай что можешь. Времени почти не осталось.

Она ушла, оставив Максима одного в опустевшем зале.

Он стоял, слушая треск огня в камине, чувствуя, как по спине течёт холодный пот.

Завтра утром.

Испытание.

Либо он докажет, что способен на магию. Либо его жизнь здесь закончится, не успев начаться.

Глава 4. Испытание

Ночь перед

Магистр прибыл к вечеру.

Максим увидел его из узкого окна своей комнаты — высокий, прямой старик в длинном тёмно-сером плаще,двигающийся через двор с посохом из чёрного дерева. Двигался медленно, намеренно медленно, с достоинством человека, который давно перестал куда-то торопиться, потому что мир сам давно научился ждать его, а не наоборот. Вокруг него суеились слуги, барон вышел на крыльцо встречать лично

— и это само по себе говорило о многом. За всё время, пока Максим наблюдал за распорядком замка, барон ни разу не выходил встречать гостей к воротам. Всегда ждал в зале.

Магистр Торвальд был не просто гостем.

Максим отошёл от окна.

Значит, утром. Несколько часов. Больше времени нет.

Он вернулся к столу — к книге, к клочкам бумаги с заметками, уже покрывавшим всю деревянную поверхность в несколько слоёв. Свеча догорала, воск стекал на стол мутными потёками, запах горячего парафина смешивался с запахом пыли и старой бумаги. Максим зажёл новую свечу от старой, не отрываясь от заметок, — и только через несколько секунд понял, что сделал это не руками.

Огонёк перепрыгнул сам, по его желанию, без прикосновения.

Он уставился на новую свечу. Потом на свою руку. Потом снова на свечу.

За прошедшие сутки он заметил вот что: магия реагировала на состояние сосредоточенности значительно лучше, чем на сырую эмоцию. Вчера ночью, когда он был взвинчен и испуган, пламя вспыхивало ярко, но нестабильно — гасло через секунду, разбрасывало искры в стороны, однажды едва не подожгло рукав рубахи. Сегодня вечером, когда усталость притупила тревогу и осталась только холодная сосредоточенность, — пламя вспыхивало спокойно, держалось дольше, слушалось точнее.

Значит, дело не в накале эмоции, а в её качестве.

Не истерика, а воля.

Он понял это, как понимал когда-то механику сложных станков — не из книг, а из практики, из ощущения в руках, из того момента, когда механизм вдруг начинал работать правильно и ты чувствовал это всем телом раньше, чем видел глазами.

Магия — это воля плюс направление.

Структурированная, управляемая воля.

Максим перечитал свои заметки в последний раз, медленно, вдумчиво, как перечитывают технический чертёж перед тем, как приступить к работе — не ища новой информации, а закрепляя уже имеющуюся. Три задания базового уровня, по описанию из книги: огонь, перемещение предмета, защита от внешнего воздействия. Всё это он пробовал. Огонь — более-менее. Перемещение предмета — получилось один раз, случайно. Защита — не пробовал, не успел.

Он вытянул руку над столом, сосредоточился. Медленно, не торопясь, представил давление под небольшой книгой, лежавшей перед ним. Не взрыв и не выброс — просто ровный, постепенно нарастающий напор снизу, как гидравлика, поднимающая платформу.

Книга приподнялась — неуверенно, чуть подрагивая, — зависла на высоте ладони.

Максим удерживал её, считая про себя. Один. Два. Три. Четыре. На пятом — уронил. Не потому что устал. Просто

потерял нить концентрации на долю секунды, и этого оказалось достаточно.

Но четыре секунды — это уже что-то.

Он работал всю ночь, пока за узким окном не начало сереть небо.

Утро. Двор замка

Рассвет пришёл серым, туманным, промозглым — таким, каким приходят рассветы в местах, где за ночь ничего не решилось и впереди ничего не прояснилось.

Максима разбудили за час до начала — стучали громко, без деликатности, как будто хотели убедиться, что он не сбегал в третий раз. Он не спал. Просто лежал поверх одеяла, уставившись в потолок, и прокручивал в голове то, что успел наработать за ночь, как прокручивают перед выездом список инструментов: всё ли взял, ничего ли не забыл.

Огонь — да. Удержание предмета — четыре секунды, нестабильно. Защита — не знает. Способность держаться под давлением — это у него было всегда, с этим помогать не надо.

Его одели в чистое — тёмно-серый камзол с серебряным соловьём на груди, нормальные сапоги, опрятный вид. Элис сунула голову в дверь, пока слуга застёгивал пуговицы, бросила короткий взгляд — в нём читалось одновременно всё, что она не могла сказать вслух при постороннем: страх, поддержка, надежда, молчаливое «держись».

Он кивнул ей. Она исчезла.

Испытание проходило во внутреннем дворе замка — большом, мощёном неровным серым камнем, открытом небу. Туман ещё не разошёлся, стелился по углам и вдоль

стен, делая всё вокруг похожим на старую фотографию с недостаточной резкостью. Вдоль стен выстроились слуги, стражники, несколько благородных семей из окрестных поместий, приехавших специально ради Испытания, — их дети стояли отдельной группой, разномастные, одетые по-разному, от совсем маленьких, лет десяти, до ровесников Максима. Все они смотрели на него с тем особенным любопытством, которое сочетает в себе сочувствие и жадное ожидание зрелища.

Все знали историю барчука Максимилиана. Бездарного. Позора семьи.

Стол, накрытый тёмной тканью. Два подсвечника по краям, несмотря на утро. Позади стола — магистр Торвальд.

Вблизи он оказался старше, чем казался из окна. Лицо в глубоких морщинах, каждая из которых выглядела как след от чего-то пережитого, а не просто прожитого. Совершенно белые волосы, собранные назад простой тесьмой. Руки, украшенные татуировками-рунами — старыми, потемневшими, нанесёнными, судя по виду, ещё в молодости. Посох прислонён к столу сбоку. Но глаза — ярко-серые, совершенно живые, с тем особым прищуром, который бывает у людей, привыкших видеть не то, что им показывают, а то, что есть на самом деле.

Рядом с магистром — барон. Прямой, скрестивший руки на груди, с выражением лица человека, который заранее приготовился к разочарованию и одновременно молит судь-

бу, чтобы его разочаровали. За ним — Родерик, с видом человека, пришедшего насладиться предсказуемым финалом давно надоевшей истории. Элис — чуть в стороне, бледная, с прямой спиной, с руками, крепко сжатыми перед собой.

Перед столом магистра — небольшая свободная площадка. Это и было место испытания.

Первыми прошли дети из других семей. Максим наблюдал за ними, изучая механику происходящего так же, как изучал бы незнакомый рабочий процесс перед тем, как самому стать его частью.

Магистр давал короткое задание — зажги свечу, охлади воду в чаше, сдвинь камень, создай щит от лёгкого удара. Голос ровный, без подсказок, без оценочных интонаций. Большинство справлялись, кто хорошо, кто неуверенно, кто с третьей попытки. Несколько человек магистр просил повторить то же задание другим способом, смотрел на процесс с разных углов, иногда задавал один короткий вопрос — «как ты это делаешь?» — и внимательно слушал ответ.

Он смотрел не на результат. Он смотрел на механику.

Это Максим понял только сейчас, и это немного успокоило.

— Максимилиан Соловейский, — произнёс магистр наконец.

Двор стих — мгновенно, почти неприятно резко, как будто кто-то убрал звук. Несколько детей переглянулись. Кто-то из взрослых у стены наклонился к соседу и что-то шепнул.

Максим вышел на площадку, встал перед магистром, поднял взгляд.

Торвальд смотрел на него долго. Дольше, чем смотрел на остальных. Секунд десять — это много, когда стоишь перед человеком, который оценивает тебя, а весь двор наблюдает за этим. Потом что-то мелькнуло в серых глазах — не сомнение, не разочарование. Что-то другое. Удивление, лёгкое, мгновенное, хорошо скрытое, но настоящее.

— Ты изменился, молодой человек, — произнёс он тихо, почти только для Максима, не для зрителей. — Я проводил твоё первое испытание три года назад. Тогда у тебя дрожали руки ещё до того, как я успевал открыть рот.

— Многое произошло, — ответил Максим ровно.

— Вижу, — кивнул магистр, не отводя взгляда. Долгая пауза. — Хорошо. Тогда начнём.

Три свечи

— Первое задание простое, — произнёс магистр, и его голос был ровным, без интонаций оценки, без подсказок, без сочувствия. — Перед тобой три свечи. Зажги все три одновременно. Без спичек.

На столе действительно стояли три белые свечи с нетронутыми фитилями, расставленные на равном расстоянии.

Максим смотрел на них несколько секунд. Слышал, как во дворе кто-то тихо кашлянул. Слышал, как сзади, где-то у стены, Родерик что-то шепнул барону — достаточно тихо, чтобы не разобрать слов, но с той интонацией, которую не нужно разбирать, и так всё понятно.

Три свечи одновременно.

Ночью он зажигал одно пламя над ладонью. Один источник, одна точка выхода. Три одновременно — это другой порядок сложности, другая задача. Не больше силы нужно — другое управление. Не один поток, а три разветвлённых, одновременных.

Максим выдохнул медленно, закрыл глаза на секунду.

Не думать о трёх свечах. Не думать о дворе, о зрителях, о Родерике с его тихим презрением, о бароне с его холодными ожиданиями. Думать о том, зачем это нужно. Думать об Артёме — о том, как тот однажды два часа держал фонарик над двигателем в гараже, не жалуясь, пока у него не онемела

рука. Семь лет. Два часа. Потому что хотел помочь отцу.

Давление поднялось в груди — знакомое, управляемое, горячее, как разогретый металл.

Максим открыл глаза, слегка развернул ладонь в сторону свечей — не резко, не выбрасывая руку, как вчера с волком, а мягко, как открывают кран. Направил давление ровно — на все три фитиля одновременно, разветвив поток так, как разветвляют электрическую цепь на параллельные ветки.

Три фитиля вспыхнули одновременно.

Тихо. Почти без звука, только лёгкое «фш» горячего воздуха. Три ровных язычка огня, одинаковой высоты, спокойных, без дрожания.

Максим опустил руку.

Во дворе тишина — другого качества, чем раньше. Не напряжённое ожидание, а что-то другое.

Барон выпрямился незаметно, почти неуловимо — Максим краем глаза это поймал. Родерик перестал ухмыляться. Это само по себе было маленькой победой, может быть, даже важнее магических свечей.

Магистр кивнул, не меняя выражения:

— Хорошо. Второе задание.

Камень

— Вот камень, — магистр положил на стол округлый булыжник размером с кулак, тёмный, с острыми краями, явно подобранный где-то в реке. — Подними его. Без рук.

Левитация.

Максим смотрел на камень, думал. Огонь — это выброс энергии наружу, это понятно, это похоже на выстрел. Поднять предмет — совсем другая механика. Это взаимодействие с внешним объектом, тяга, удержание. Не выстрел — захват.

Он стоял перед камнем секунды три. Потом перестал думать как маг, которым не был, и начал думать как слесарь, которым был всю жизнь.

Если магия — это энергия, то поднять камень — значит создать разницу давления. Снизу вверх. Как гидравлический домкрат: подаёшь давление под объект — он идёт вверх. Никакой мистики. Просто физика, только с другим источником силы.

Максим представил это с той же точностью, с которой представлял, как должен встать нужный компонент в механизме, — не абстрактно, а конкретно, почти осязаемо. Невидимый поршень под камнем. Давление, нарастающее снизу. Равномерное, управляемое.

Он направил туда волю — без слов, без жестов из книги,

просто сосредоточенную, направленную волю.

Камень дрогнул.

Приподнялся на сантиметр. На два. На три.

Завис на высоте ладони — неуверенно, чуть подрагивая, как плохо отбалансированная деталь, которая вот-вот со-
бьётся с осью.

И упал.

Грохнул о стол, покатился к краю — и Максим поймал его рефлекторно, не рукой, а тем же давлением, остановив в сантиметре от падения. Камень завис над краем стола, замер на секунду — и мягко опустился обратно на поверхность.

Максим убрал руку. Пауза.

Магистр смотрел на него с тем же непроницаемым выражением. Но в серых глазах что-то изменилось — не просто интерес, а нечто более живое, более личное. Он видел что-то конкретное, что явно не ожидал увидеть.

— Нестандартная техника, — произнёс старик негромко. — Ты не используешь формулы, которым учат в Академии. Ты думаешь иначе. — Короткая пауза. — Но результат есть. Продолжим.

Третье задание

Магистр поднялся из-за стола — впервые за всё утро встав на ноги, и это само по себе было сигналом: что-то менялось. Несколько человек у стен тоже выпрямились, почувствовав перемену в воздухе.

Торвальд подошёл к Максиму вплотную, остановился напротив. Разница в росте была заметна — магистр на голову выше, несмотря на возраст, и от него исходило то ощущение плотности, которое бывает только у людей, проживших очень долго и очень много.

— Последнее задание, — произнёс он спокойно, — не для оценки силы. Это задание для оценки характера. — Он говорил ровно, без театральности, как говорят люди, которым не нужно производить впечатление. — Я ударю тебя заклинанием. Несильным — достаточным, чтобы сбить с ног обычного человека, если не защитишься. Твоя задача не ответить ударом, не создать щит. Просто устоять. Остаться на ногах.

Во дворе — полная тишина. Кто-то из детей у стены открыл рот.

Максим понял мгновенно — это не про магию. Это про то, как человек стоит под ударом. Не о технике, не о формулах. О том, что внутри, когда снаружи давит что-то большее.

Именно это он умел.

Он расставил ноги чуть шире, перенёс вес на середину

стопы, опустил центр тяжести — так, как делал в армии, когда нужно было держать позицию в потоке орущих, давящих тел, — поднял взгляд на магистра и сказал спокойно:

— Готов.

Торвальд поднял руку. Тихо произнёс слово — длинное, многосложное, на незнакомом языке, в котором каждый слог звучал как отдельный удар молота по наковальне.

Невидимая волна пришла без предупреждения — плотная, тяжёлая, как удар в грудь от чего-то, что нельзя увидеть и некуда отступить. Максима качнуло назад, ноги заскользили по мокрому от утреннего тумана камню, вышибло воздух из лёгких, перед глазами на секунду потемнело.

Он не упал.

Не потому что создал щит или нашёл магический ответ. Просто упёрся, перенёс вес вперёд, удержал равновесие тем упрямым физическим инстинктом, который в нём выработала армия, заводские смены в три часа ночи, и долгие годы жизни, в которой падать было некогда, потому что некому было поднимать.

Он стоял.

Слегка покачнувшись. С растрёпанными волосами и сбившимся дыханием. Но стоял — прямо, на обеих ногах, глядя на магистра в упор.

Торвальд опустил руку.

Долгая пауза — дольше, чем после каждого из предыдущих заданий.

Потом старик сделал то, чего не делал ни разу за всё утро: улыбнулся. Едва заметно, в уголке рта, почти скрыто за морщинами — но это была настоящая улыбка, не формальная и не вежливая.

— Достаточно, — сказал он, и развернулся к барону. — Дар есть. Нестандартный, необученный, дикий — но настоящий. Происхождение нестандартное, работает по своей логике, не по академической. Это не недостаток, это особенность, которую надо понять. — Он помолчал секунду. — И что важнее — характер под стать дару.

Барон Вольдемар молчал несколько секунд. Потом кивнул — медленно, коротко, скупое, как кивают люди, признающие что-то вопреки всем своим ожиданиям, вопреки тому, во что привыкли верить годами.

Родерик отвернулся. Элис закрыла глаза и медленно, беззвучно выдохнула.

После. Разговор, которого не должно было быть

Гостей накормили в главном зале. Подали вино, горячее, разговоры потекли сами собой — о делах баронства, о ценах на зерно, о слухах с южной границы, о каком-то торговом споре между двумя соседними поместьями. Шум, тепло, запах жареного мяса и воска. Максима этот шум почти не касался — он сидел в дальнем углу стола, ел механически, почти не чувствуя вкуса, просто приходя в себя после трёх практически бессонных ночей и одного утра, которое могло кончиться совсем иначе.

Магистр нашёл его сам.

Подошёл, сел рядом без приглашения, поставил перед собой кружку с вином и долго молчал, глядя в неё, будто никуда не торопился — хотя вокруг всё кипело разговорами и движением.

— Хочу задать тебе вопрос, — произнёс он наконец, негромко, без пролога. — И хочу честного ответа. Не потому что имею на него право. А потому что это важно. — Он поднял глаза. — Три года назад, когда я проводил твоё первое испытание, у тебя не было ни капли дара. Совсем. Я чувствую ману, как ты чувствуешь тепло — она есть или её нет. Тогда её не было. А сегодня — есть. Другая по природе, другая по логике, не похожая на то, чему учат в Академии. Как

будто ты изобрёл собственный язык магии, не зная, что уже существует тысяча готовых слов.

Максим молчал. Смотрел на кружку перед собой.

— Я не буду делать выводов вслух, — продолжил Торвальд ровно. — Это не моё дело. Я слышал легенды о Разломах — достаточно, чтобы понять, что здесь, возможно, произошло что-то выходящее за рамки обычного хода вещей. — Он сделал небольшой глоток, поставил кружку. — Но хочу, чтобы ты знал одно. Это важнее всего остального, что я мог бы тебе сказать.

Он наклонился чуть ближе, не повышая голоса — только чтобы гул зала не заглушил слова:

— Разлом на северной границе твоего баронства — это не то, что ты ищешь. Это трещина, нестабильная, опасная, случайная. Через неё лезет нечисть — она не открывает дорогу между мирами, она просто прорыв в тёмные глубины. Настоящий Разлом — тот, что соединяет миры напрямую, — другой природы, другого происхождения. — Пауза. — Я знаю, где он. И знаю, что он закрыт. — Ещё одна пауза, короткая, весомая. — Пока закрыт.

В зале вокруг шумели, смеялись, звенели кружками. Максим чувствовал, как что-то холодное медленно стекает по спине — не страх, а острое, почти болезненное ощущение того, что прямо сейчас происходит что-то, что изменит всё дальнейшее.

— Почему вы говорите мне это? — спросил он тихо. —

Вы меня едва знаете.

Торвальд встал, взял кружку, уже готовясь раствориться обратно в шуме зала. Но на секунду задержался, посмотрел на Максима с тем же прищуром, что и утром на площадке:

— Потому что человек с твоими глазами смотрит на этот мир не как на постоянный дом. Ты смотришь на него как на задачу, которую нужно решить, и уйти. — Он помолчал. — За свою жизнь я видел такой взгляд дважды. Оба раза это кончалось чем-то важным для многих людей, а не только для одного.

Он ушёл, не оглядываясь, растворился в шуме и тепле зала, как будто разговора и не было.

Максим долго сидел неподвижно, глядя в пустую кружку.

Настоящий Разлом существует. Кто-то знает, где он. И этот кто-то только что намеренно рассказал об этом ему, почти чужому человеку, которого видел второй раз в жизни.

Почему?

Что значит «пока закрыт»?

Кто его закрыл?

И — главное — кто его откроет?

Глава 5. Цена знаний

Магистр Торвальд уехал на следующее утро, едва рассвело.

Максим стоял у узкого окна своей комнаты и смотрел, как во двор медленно выводят коней — их дыхание поднималось белыми клубами в холодном воздухе, копыта звонко стучали по мокрому камню. Слуги грузили на вычужную лошадь немногочисленный багаж — один окованный железом сундук, несколько свитков в кожаном тубусе, дорожный плащ, аккуратно перекинутый через седло. Ничего лишнего. Человек, который за долгую жизнь научился брать только то, без

чего действительно нельзя.

Торвальд остановился у самых ворот, уже держа поводья. Максим мог поклясться, что старик на секунду поднял взгляд прямо к его окну — долгий, прямой взгляд, в котором было что-то намеренное. Не случайное. Может, показалось. Может, нет. Потом магистр поставил ногу в стремя, сел в седло — легко, без усилия, как человек, который делал это тысячу раз, — и колонна тронулась. Копыта загрохотали по мосту, затихли, растворились в утреннем лесном шуме.

Максим стоял у окна, пока за поворотом дороги не исчез последний всадник.

Потом долго смотрел на пустую дорогу.

Настоящий Разлом существует.

Он закрыт.

Пока закрыт.

Три фразы крутились в голове с вечера — как заноза, которую невозможно вытащить, пока не найдёшь правильный инструмент. Пока не поймёшь, с какого конца подступиться. «Пока» — это слово беспокоило больше остального. Не «навсегда», не «наглухо», не «безвозвратно». Пока. Значит, состояние временное. Значит, что-то может измениться. Или уже меняется.

Максим отошёл от окна.

На столе лежали его вчерашние заметки — исписанные листы, покрытые схемами, словами, стрелками, обрывками мыслей, выстроенными в систему, которую он сам же пы-

тался понять. Механика магии, логика рун, попытки описать словами то, что работало у него не по учебникам, а по каким-то своим принципам — пока непонятным даже ему самому.

Он убрал листы в книгу «Природа магического дара», засунул под матрас вместе с несколькими другими записями. Потом оделся, умылся ледяной водой из кувшина до тех пор, пока голова не прояснилась окончательно, и пошёл вниз.

День обещал быть тяжёлым. Он чувствовал это тем же инстинктом, каким чувствуют погоду перед выездом на сложный объект — не умом, а чем-то глубже, в районе затылка.

Родерик

Завтрак в замке Соловейских был прост до намеренной суровости — длинный стол, деревянные скамьи, еда без украшений: хлеб, каша с луком, варёные яйца, кувшин с разбавленным кислым вином. Барон ел быстро и молча, с видом человека, у которого каждая минута расписана заранее. Уходил первым, не прощаясь. Элис обычно садилась в дальнем конце, ела мало, думала о чём-то своём. Родерик занимал середину стола — с тем характерным видом, который бывает у людей, убеждённых, что они делают окружающим одолжение одним своим присутствием.

Максим вошёл последним — специально немного задержался наверху, пытаясь собраться, — сел на своё место, потянулся к хлебу.

— Ну что, барчук, — произнёс Родерик, не поднимая взгляда от тарелки. Голос ровный, почти безразличный, тщательно лишённый интонации. — Наслаждался вниманием старого Торвальда? Он у тебя чуть ли не весь вечер просидел в зале. Душевная беседа вышла, судя по всему.

Именно эта ровность и была опасна. Когда Родерик говорил с открытым презрением — это был просто его характер, предсказуемый, как дождь осенью. Когда говорил ровно, почти дружелюбно — значит, что-то обдумал заранее, выбрал нужный момент и теперь проверяет почву.

— Поговорили, — ответил Максим, намазывая масло. Коротко, без деталей.

— О чём же, интересно?

— О магии.

Родерик поднял взгляд — медленно, с той прищуренностью, которая означала: схема уже сложена, сейчас идёт проверка:

— Любопытно. Потому что я слышал, что именно он сказал отцу. — Пауза, намеренная, точно отмеренная. — «Нестандартный дар. Необученный. Работает по своей логике». — Он отложил ложку, повернулся к Максиму всем корпусом — жест, говорящий: теперь это официальный разговор, не застольный. — Знаешь, что это означает на обычном человеческом языке?

— Просвети, — сказал Максим ровно.

— Это означает: неизвестно что, неизвестно откуда, неизвестно как работает. Это означает, что ты либо мутант с диким неуправляемым даром, либо самозванец, либо тебе просто повезло один раз в нужный момент при нужных свидетелях. — Он взял кружку, отпил неторопливо, не сводя взгляда. — Я склоняюсь к третьему варианту. А ты как думаешь?

В зале стало чуть тише — слуги у стены затаились, делая вид, что заняты своим делом. Элис смотрела в свою тарелку, но Максим краем зрения видел, как она замерла.

— Родерик, — произнёс барон с дальнего конца стола — негромко, без интонации, одним словом.

Родерик откинулся назад с видом человека, которому не запретили думать — только говорить. Взял ложку, вернулся к еде. Тема формально была закрыта.

Но перед тем как опустить взгляд, он бросил на Максима один последний взгляд. Быстрый, почти незаметный. Такой, которым говорят: этот разговор не закончен. Он просто переносится.

Максим доел хлеб, запил вином и ни о чём не думал — специально, тренированным усилием, как учили в армии: перед делом думаешь, во время дела делаешь.

Тренировочный двор

После завтрака Максим пошёл в тренировочный двор.

Не потому что хотел тренироваться. Потому что это было единственное место в замке, где можно было законно находиться в одиночестве, не объясняя зачем. Стражники тренировались по утрам; к середине дня двор пустел, превращаясь в тихий пыльный прямоугольник с деревянными манекенами у стен, парой мишеней на столбах и утоптанном земляным полом, пахнущим сырой землёй и старой кожей.

Максим встал в центре, закрыл глаза, выдохнул медленно.

Ночью он работал с пламенем. Три часа подряд, пока свечи не догорели до огрызков, — пробовал удерживать огонь не через эмоциональный выброс, а через что-то более тихое, более управляемое. Вчера вечером понял разницу: эмоция — хороший старт, мощный, быстрый, но нестабильный. Как рывок стартера: двигатель запускается, но не едет сам. Нужно ещё что-то, чтобы держать обороты ровно, не давая ни заглохнуть, ни разнести механизм вразнос.

Он назвал это для себя рабочей тягой — то состояние, в котором работаешь час под машиной в неудобной позе и не замечаешь времени, потому что полностью внутри задачи, не снаружи.

Максим вытянул руку, сосредоточился — спокойно, без усилия, как сосредотачиваются на привычном деле.

Пламя вспыхнуло над ладонью само, без рывка. Размером с кулак, ровное, без дрожания, оранжево-жёлтое, с тёмной сердцевинкой — настоящее, живое. Он переместил его медленно в сторону деревянного манекена, удерживая точно, как переносят полный стакан. Пламя послушно поплыло к деревянной поверхности, коснулось, остановилось там, не поджигая — просто касалось, ожидало команды. Максим убрал его одним движением — чисто, без остатка.

Хорошо.

Он поднял три камня с земли — разного размера, разного веса. Два маленьких послушались сразу. Третий, крупный, с острым краем, поднялся с задержкой, завис неуверенно, поблёскивая в мутном свете. Три параллельных потока внимания — три отдельных точки контроля. Сложнее, чем один, примерно как одновременно удерживать три разных разговора, не теряя нити ни в одном.

Два из трёх упали.

Он поднял снова. Держал до четырёх. Уронил третий.

Поднял снова.

— Занятное зрелище.

Голос Родерика Максим узнал раньше, чем обернулся. Тот стоял у входа во двор, прислонившись к столбу ворот — свободно, почти лениво, с выражением лица человека, который случайно оказался рядом, хотя они оба понимали, что ничего случайного здесь не было.

— Три камня одновременно, — продолжил Родерик, от-

ходя от столба и входя во двор неторопливым шагом, как входят на собственную территорию. — Параллельная левитация. Базовый уровень, детская задача. Мне было девять лет, когда я впервые сделал это. За завтраком, между прочим — просто от скуки поднял три яблока со стола.

— Хорошо для тебя, — ответил Максим, опуская камни аккуратно, один за другим.

— Тебе двадцать один. — Родерик остановился в нескольких шагах, скрестил руки на груди, изучающе прищурился. — И ты делаешь это как ребёнок, который только что нашёл чужую игрушку и пытается понять, как она работает, не имея инструкции. Без формул, без структуры, без базовой подготовки. — Он помолчал. — Хочу сделать тебе предложение.

Максим развернулся к нему, ждал.

— Поединок. Здесь, сейчас, без свидетелей, без последствий. — Родерик говорил деловито, как предлагают пари. — Просто посмотреть, что у тебя реально есть, а не что Торвальд был готов засчитать при публике. Ты и я. Если продержись дольше десяти секунд — я прекращаю называть тебя позором рода при слугах. — Краткая пауза. — Если нет — ты признаёшь вслух, что вчера тебе просто повезло.

Максим несколько секунд молчал, оценивая.

Ловушка была прозрачной — почти обидно прозрачной. Родерик — маг льда, обученный с детства, с годами практики, один из лучших среди молодых магов королевства. У Максима — три дня хаотичных упражнений по книгам и ин-

туция механика, знакомого с тем, как устроены системы, но никогда не работавшего с этой конкретной. Если принять вызов и проиграть за пять секунд — Родерик получает то, что хотел: публичное признание, даже без публики. Если отказать — получает то же самое, просто без слов.

Но была и другая сторона.

Поединок — это информация. Посмотреть изнутри, как работает чужая магия в реальных условиях, под настоящим давлением. Понять, на что способен противник — не по описанию, не по слухам, а по ощущению. И главное — понять, на что способен сам. Потому что никакая книга не даст этого, никакие упражнения с камнями и свечами в пустом дворе.

— Договорились, — сказал Максим.

Родерик едва заметно вскинул бровь — буквально на долю секунды, совсем чуть-чуть, — потом вернул прежнее ровное выражение и отступил назад, освобождая пространство.

Лёд и воля

Родерик не медлил.

Первая атака пришла через секунду после того, как они заняли позиции — без предупреждения, без ритуальных жестов, без паузы, которую принято делать перед началом. Острый горизонтальный удар — сухой, как хлопок натянутой верёвки, — с замороженными в него иглами льда, на уровне груди, быстрый, как выброшенный хлыст.

Максим уклонился рефлексивно, без обдумывания — просто шагнул в сторону, всем телом, — и иглы прошли мимо, ударили в каменную стену позади него, оставив длинные белые царапины. Холодный воздух резанул по щеке.

Хорошо. Летят по прямой. Не ищут цель сами.

Вторая атака — другого класса. Волна холода снизу, от земли, ползущая белёсым туманом, беззвучная, быстрая, замораживающая всё, чего касается. Максим прыгнул назад, не успел полностью — левый сапог зацепило краем. Холод прострелил стопу и голень мгновенно, как вогнали иглу прямо в кость. Нога до лодыжки онемела.

Третья атака — без паузы. Прямой ледяной таран, невидимый, но плотный и тяжёлый, с силой, явно рассчитанной на одно: сбить с ног.

На этот раз Максим не уклонился.

Он выставил руку навстречу и упёрся — встречным дав-

лением, без формул, без заученного жеста, просто сосредоточенным напором воли против напора льда. Поток в поток, давление в давление. Не щит — встречный удар, как когда упираешься двумя руками в падающую стену и давишь обратно.

Его отнесло на шаг назад. Один шаг. Ноги удержались на мокром камне — еле-еле, с трудом, на самой границе, — но удержались.

Родерик остановился. Опустил руки. В его лице ничего не изменилось — та же ровная закрытость, — но в глазах мелькнуло что-то настоящее. Не ожидаемое. То же, что было у Торвальда в момент, когда камень завис над краем стола.

— Ты не создал щит, — произнёс он медленно, скорее рассуждая вслух, чем говоря с Максимом. — У тебя нет щитовой формулы — это видно. Ты использовал встречный напор.

— Работает, — ответил Максим, выдыхая, чувствуя, как сердце колотится в горле.

— Неэффективно, — произнёс Родерик, и на этот раз в голосе не было прежнего презрения. Там было что-то другое — почти профессиональное, почти уважительное, хотя Максим был уверен, что Родерик сам бы это отрицал. — Ты тратишь вдвое больше собственной энергии, чтобы остановить удар, вместо того чтобы отразить или рассеять его. Щитовая формула делает то же самое с четвертью усилий.

— Зато не надо знать формулу.

Тишина.

Родерик смотрел на него несколько секунд — долго, молча, с той прищуренностью, которая теперь читалась иначе, чем утром за завтраком.

— Десять секунд прошло, — сказал он наконец. Нейтрально. Без интонации победителя и без интонации проигравшего.

— Прошло, — согласился Максим.

Они стояли друг напротив друга в пустом дворе, оба с учащённым дыханием, оба с явным ощущением незавершённости — поединок закончился, а разговор нет.

Родерик повернулся, пошёл к воротам. Ровным шагом, не торопясь. У самого выхода остановился, не оборачиваясь:

— Завтра в это же время, — бросил он негромко. — Щитовую формулу покажу. Нет смысла тратить вдвое энергии там, где достаточно потратить вполовину.

Он ушёл — и его шаги затихли в каменном коридоре, ведущем к казармам.

Максим долго стоял, глядя на пустые ворота, на белые царапины ото льда на стене, на примёрзший участок земли там, где прошла волна.

Родерик предложил занятия.

Почему — вопрос, ответа на который пока не было. Но занятия — это не враждебность. Это что-то другое. Возможно, нечто более сложное и потому более опасное.

Элис. Вечер

Элис нашла его вечером в библиотеке. Она, кажется, всегда знала, где его искать — как будто у неё был внутренний компас, настроенный на людей, которые прячутся в тихих местах, чтобы думать в одиночестве.

Вошла бесшумно, прикрыла дверь, поставила на стол кувшин с горячим травяным отваром и две кружки — без слов, как будто это было само собой разумелось, часть какого-то ритуала, существовавшего ещё до него. Может, так оно и было — может, она и с настоящим Максимилианом так делала, приходила по вечерам, ставила отвар, садилась напротив.

Налила ему, потом себе. Обхватила кружку обеими руками, чуть грея пальцы.

— Слышала про поединок, — сказала она без предисловий.

— От кого?

— Конюх видел из-за ворот. Наполовину — остальное дорисовал сам, судя по тому, что рассказал. — Элис слегка улыбнулась — коротко, скорее губами, чем глазами. — Расскажи как было.

Максим рассказал — коротко, по существу, без драматизации. Три атаки. Уклонения. Встречный напор вместо щита. Слова Родерика после.

Элис слушала, не перебивая, держа кружку и глядя на пла-

мя свечи — маленькой, стоявшей в щербатом подсвечнике у края стола. Потом долго молчала.

— Родерик никогда ничему никого не учил, — произнесла она наконец, спокойно, как сообщают факт. — За всю свою жизнь, насколько я помню. Он убеждён, что знание — личный ресурс, делиться которым значит терять преимущество. Он делится знанием примерно так же охотно, как отдаёт деньги.

— Может, что-то изменилось.

— Или ты ему зачем-то нужен, — возразила Элис, и в голосе её было больше осторожности, чем в его. — Родерик не делает ничего без причины и без расчёта — никогда, даже в мелочах. Если он предложил тебе занятия, значит, что-то ему нужно от тебя взамен. Он просто ещё не сказал что. — Она помолчала. — Учись у него — это полезно. Но не забывай считать, чем платишь.

Максим кивнул. Это он понимал и сам, но полезно было услышать вслух от человека, который знал Родерика двадцать лет.

— Торвальд тебе что-то сказал, — произнесла Элис неожиданно, не спрашивая — утверждая. — Вчера вечером, в зале. Я видела, как он к тебе подошёл. Вы разговаривали минут десять. Слуги не слышали, я — тоже. Но я видела твоё лицо после.

Максим помолчал, взвешивая. Потом сказал:

— Он сказал, что настоящий Разлом — не тот, что на на-

шей границе. Что тот нестабильный, опасный, через него лезет нечисть, но он не соединяет миры. — Максим смотрел в кружку. — Настоящий Разлом — закрыт. Намеренно закрыт. И Торвальд знает, где он.

Элис поставила кружку на стол.

За окном тихо — только ветер в верхушках деревьев за стеной, редкий голос стражника на обходе.

— Бабушка рассказывала, — начала Элис медленно, выбирая слова с той осторожностью, с которой выбирают путь по незнакомому льду. — Про Разлом, который закрыли задолго до нашего рождения. Она говорила — лет пятьдесят назад, может, чуть больше. Закрыли намеренно, несколько магов высшего ранга, по прямому приказу короны. Тайно, без объявлений. — Пауза. — Почему — она не знала точно. Говорила только, что причина была серьёзная. Что что-то шло через Разлом в обе стороны — и это «что-то» было нельзя позволять больше. Не только люди. Что-то ещё.

— Что именно?

— Она не говорила. Или не знала. — Элис смотрела на свечу. — Бабушка говорила ещё одну вещь, которую я запомнила, потому что она произнесла её только один раз и больше к этой теме не возвращалась. Что закрытый Разлом — это не уничтоженный. Это запёртая дверь. У замка есть механизм. Кто-то его создал, кто-то знает, как он устроен.

— Значит, его можно открыть.

— Если знать как. — Элис подняла взгляд на Максима. —

И она говорила, что кто-то, может быть, всё ещё ищет этот способ. Это было сказано не как предположение, а как что-то, что она знала. Или подозревала достаточно конкретно.

Максим смотрел на пламя свечи — ровное, спокойное, слегка колышущееся от их дыхания.

— Кто-то ищет, — повторил он тихо. — Или уже нашёл.

Элис кивнула. В этом кивке было понимание, не требующее развёрнутых слов, — то понимание, которое возникает между людьми, когда оба думают об одном и том же, и оба знают, что думают об одном и том же, и никто не хочет проносить это вслух первым.

Второе видение

Максим заснул за столом — не специально, просто кончились силы держаться. Уткнулся лбом в сложенные руки и провалился в сон мгновенно, как проваливаются в воду.

И оказался в больнице.

Не так, как в первый раз — тогда он висел где-то под потолком, прозрачным наблюдателем без веса и местоположения. Сейчас иначе — он стоял в дверях палаты, физически, почти реально, с ощущением под ногами твёрдого линолеума, с запахом дезинфицирующего средства и застоявшегося тёплого воздуха, с тихим гудением медицинского оборудования. Почти настоящее. Почти — потому что тела не было, только присутствие. Точка в пространстве, которая видит и чувствует, но не может пошевелиться.

Ольга спала на стуле у кровати. Сидела, уронив голову на грудь, плечи опущены, — сон человека, который просто перестал держаться, потому что больше не мог. Щёки ещё влажные. Волосы растрепались. Она никогда раньше так не выглядела — даже в самые тяжёлые дни развода, даже после самых злых разговоров. Тогда она умела держать лицо. Сейчас — нет.

Монитор рядом с кроватью светился зелёным. Линия пульса поднималась и опускалась — ровно, ритмично, монотонно. Живой. Живой. Живой. Машина отсчитывала это

терпеливо, без эмоций.

Максим посмотрел на своё тело.

Странно — видеть себя снаружи. Совсем другое ощущение, чем смотреть в зеркало. Тело лежало под тонким одеялом — совершенно неподвижное, почти восковое, с трубкой в горле, с проводами от электродов на груди, с иглой капельницы в руке. Лицо спокойное, почти мирное — как бывают спокойны люди, ушедшие глубоко, в то место, откуда нет го-лоса.

А потом Максим увидел Артёма.

Сын сидел на полу у кровати, прислонившись спиной к её металлическому боковому ограждению. Не спал — это было видно сразу. Сидел прямо, с открытыми глазами, держа перед собой обеими руками небольшой металлический брелок. Маленький, в форме гаечного ключа, потемневший от времени — Максим купил его на развальном рынке у метро два года назад, просто потому что Артём остановился перед лотком и долго смотрел, не прося, просто смотрел.

Артём что-то говорил. Губы двигались — тихо, почти без звука, одними губами. Так, чтобы не разбудить мать.

Максим не слышал слов. Расстояние между ними было несколько метров, реального расстояния не было вообще — он стоял в дверях не из плоти и крови, а из чего-то другого, — и слова не доходили. Только лицо.

Семилетнее лицо ребёнка, который уже понял, что происходит что-то серьёзное. Не страшное в детском смысле — не

монстр под кроватью, не темнота в коридоре, — а серьёзное по-настоящему, по-взрослому. Такое, о чём взрослые не говорят вслух, а говорят тихими голосами за закрытыми дверями и перестают разговаривать, когда тыходишь.

На этом лице — страх, и упрямство, и что-то ещё. Что-то, что Максим узнал сразу, потому что видел это в зеркале всю свою жизнь. Упрямая, тихая, абсолютно детская уверенность: папа проснётся. Потому что папы просыпаются. Потому что по-другому быть не должно.

Максим попытался сделать шаг вперёд.

Ничего. Ни шага, ни движения — только присутствие, зафиксированное в одной точке, прикреплённое невидимой нитью к порогу этой двери. Нельзя приблизиться. Нельзя коснуться. Нельзя сказать ни слова.

Артём поднял голову.

Медленно, как поднимают голову, когда что-то почувствовали — не увидели, не услышали, а именно почувствовали, кожей, затылком. Посмотрел прямо туда, где стоял Максим. Прямо в несуществующие глаза.

Несколько секунд смотрел молча. Серьёзно. Без удивления — как будто ожидал.

— Пап? — произнёс он тихо.

Единственное слово. Тихое, осторожное, с той интонацией, с которой произносят в темноте, когда слышат звук и не уверен, реальный ли он — но очень, очень надеешься, что реальный.

Максим открыл рот — и не смог произнести ни звука. Никакого звука не было. Только тишина, только гудение монитора, только тихое дыхание Ольги на стуле.

Видение оборвалось.

Максим поднял голову от стола резко, едва не снёс локтем кружку с остатками остывшего отвара. Сердце колотилось так, что слышалось в ушах. Свеча давно догорела — комната погружена в темноту, только серый прямоугольник окна и слабый звёздный свет.

Он долго сидел не двигаясь. Смотрел в темноту перед собой.

Артём его видел. Или чувствовал. Или придумал — потому что хотел, потому что семилетние дети умеют придумывать так сильно, что придуманное становится почти настоящим. Максим не знал, что из этого правда. И это незнание было хуже всего остального — хуже демонов, хуже монастыря, хуже Родерика с его холодными атаками.

Он зажёг свечу.

Не думая, не делая жеста, просто захотел света — и пламя вспыхнуло само, сразу, уверенно, без колебания. Уже второй раз само, без усилия. Что-то менялось внутри — медленно, почти незаметно, но менялось.

Максим взял лист бумаги. Обмакнул перо.

Написал одно слово: *Артём*.

Подчеркнул дважды.

Написал под ним: *Найти Разлом. Открыть. Вернуться.*

Потом добавил чуть ниже, после паузы: *Пока он ещё ждёт.*

Смотрел на написанное долго. Потом сложил лист вчетверо, убрал во внутренний карман — туда, где у людей принято держать то, что нельзя потерять.

Утро. Барон

Утром, едва рассвело, Максим пошёл к барону.

Не потому что хотел именно сейчас, именно сегодня. Поэтому что понял ночью: ждать — значит терять. Времени нет на постепенность, на выжидание удобного момента, на то, чтобы сначала понравиться, потом попроситься, потом получить разрешение. Прямой путь всегда короче, даже если он труднее.

Барон уже был в кабинете — судя по всему, вставал не позже рассвета, может, и раньше. Сидел за столом, перебирал донесения стражи с северной границы — несколько свитков разложены перед ним, лицо сосредоточенное, хмурое. Максим постучал, вошёл.

— Отец, — произнёс он с порога, — я хочу поговорить об участии в патруле на северной границе.

Барон поднял взгляд — медленно, тяжело, с тем выражением, которое означало: говори, я слушаю, но не трать моё время.

Максим говорил чётко, без вступлений:

— Магистр Торвальд сказал, что мой дар нестандартен — не по академическим формулам, а по собственной логике. Это означает, что книги дадут мне только часть необходимого. Мне нужна практика в условиях реального давления. — Он выдержал взгляд барона, не опуская глаз. — Граница —

это такие условия. Там дар либо станет сильнее под настоящей нагрузкой, либо я пойму, что он не работает в реальных условиях — и это тоже важно знать.

Барон молчал, постукивая пальцем по столу — раз, два, три. Слушал. Не перебивал.

— Родерик взялся объяснять мне щитовую технику, — добавил Максим. — Мы начали вчера. Это полезно, но недостаточно, чтобы нагнать годы пропущенной подготовки за несколько недель. Граница ускорит это. — Пауза. — Или убьёт — это я понимаю.

Барон прищурился:

— Ты понимаешь разницу между смелостью и глупостью?

— Понимаю. Смелость — это когда знаешь риск и идёшь. Глупость — когда не знаешь и идёшь. Я знаю риск.

Долгая тишина. Барон смотрел на него — внимательно, без спешки, как смотрят на чертёж, который видят второй раз и пытаются понять, не пропустили ли что-то важное при первом просмотре.

— Через неделю Родерик выезжает с патрулём к северной границе, — произнёс он наконец. — Плановый обход, неделя в дороге. — Пауза. — Пойдёшь с ним.

Это было всё. Барон опустил взгляд на донесения — тема закрыта, разговор окончен.

Максим кивнул, развернулся к двери.

— Максимилиан, — произнёс барон у него за спиной.

Максим остановился, обернулся.

Барон смотрел на него — прямо, без смягчения, но и без прежней холодной пустоты:

— Вернись живым. Это не просьба.

Максим кивнул снова и вышел.

В коридоре он остановился, прислонился спиной к холодной стене, выдохнул медленно.

Через неделю — север. Граница. Разлом — пусть не тот, но близко к тому. Первый шаг в нужную сторону.

Артём ждёт.

Глава 6. Дорога на север

Сборы

Неделя прошла быстро — в том смысле, в котором проходит время, когда каждый день плотно набит делом и не остаётся пространства для того, чтобы замечать его течение.

Утром — тренировочный двор с Родериком. Щитовая формула оказалась проще, чем Максим ожидал по описанию, и сложнее, чем казалась поначалу. Принцип он понял за первые два часа: не встречный напор, а отклонение, как щит в реальном бою — не принимаешь удар на себя, а уводишь его в сторону. Меньше усилий, больше геометрии. Труднее было перестроить инстинкт, который за первые три дня прочно лёг на «упереться и давить». Родерик поправлял коротко, без объяснений и без похвалы, — просто «нет», «снова», «правее», «ты думаешь, а не делаешь». Это была хорошая школа. Максим это признавал про себя, хотя вслух не говорил, и Родерик, судя по всему, тоже ничего подобного не ожидал.

Вечером — библиотека. Элис нашла несколько старых карт северных баронств, достаточно подробных, чтобы понять рельеф и дороги. Она раскладывала их на столе, прижимала углы кружками, объясняла — кратко, точно, как объясняют что-то важное человеку, которому нужно знать это наверняка, а не приблизительно.

— Серые горы здесь, — она провела пальцем по тёмной

полосе в верхней части карты. — Патруль идёт вдоль предгорья, до Волчьего перевала и обратно. Семь дней в одну сторону при нормальной погоде, девять — если зарядят дожди. — Пауза. — Разлом — здесь. — Она поставила кончик пальца на едва заметную отметку у самого края карты. — Это официальное его местоположение, то, что нанесено на государственные карты. Настоящие границы никто не картировал лет двадцать — предгорье опасное, никто не едет туда по своей воле.

— Кроме патруля.

— Кроме патруля. И то — не вплотную. Держатся в полудне пути.

Максим запомнил отметку. Запомнил рельеф. Запомнил развилку у реки Тёмной, где дорога расходилась на два рукава — северный, через предгорье, и западный, в обход. Запомнил всё, что можно было запомнить с карты, зная, что карта — это всегда меньше половины правды.

Снаряжение выдали за два дня до выезда — плотный дорожный плащ с капюшоном, кожаные наплечники, сапоги с высокими голенищами, дорожный нож. Оружия не дали — Максим не ожидал, что дадут. Ему сказали, что маг не должен полагаться на железо, а то, что у него было вместо железа, пока было слишком сырым, чтобы на него полагаться при настоящей нужде.

Он с этим не спорил.

В последний вечер перед отъездом Элис пришла в биб-

лиотеку позже обычного — почти в полночь, когда замок уже затих. Принесла не отвар, а что-то завёрнутое в кусок плотной ткани.

— Возьми, — сказала она, кладя на стол. — Не спрашивай откуда. Бабушкино.

Максим развернул.

Внутри был небольшой компас — не обычный, стрелка двигалась медленнее, чем должна была, и указывала чуть восточнее севера. Рядом с компасом — плоский камень размером с ладонь, гладкий, почти белый, с едва заметной руной на одной стороне.

— Компас реагирует на маническое поле, — объяснила Элис тихо. — Чем сильнее разлом поблизости, тем заметнее отклонение. Официальные приборы на это не настроены — военные думают, что он просто бракованный. — Она кивнула на камень. — Камень — это щит от магического воздействия. Если рядом будет маг достаточно сильный, чтобы прощупывать ауры, — тебя он не почувствует. Пока камень при тебе.

— Почему он не чувствует через него?

— Потому что бабушка была умнее большинства магов, которых я знаю. — В голосе Элис мелькнула тёплая, чуть грустная нотка. — Иди спать. Выезд на рассвете.

Выезд

Рассвет был холодный, серый, с запахом приближающейся осени — той особенной смесью мокрой земли, прелых листьев и первого ночного заморозка, которая наступает раньше, чем успеваешь привыкнуть к лету.

Отряд собрался во дворе в темноте, при свете факелов: Родерик, восемь стражников в дорожном снаряжении, двое слуг с выучными лошадьми, Максим. Кони переступали копытами, дышали паром, слуги подтягивали ремни и проверяли выюки в молчании профессиональной привычки.

Барон вышел на крыльцо без плаща — просто стоял и смотрел, пока отряд строился. Когда Родерик, уже в седле, кивнул ему в знак готовности, барон произнёс коротко:

— Удачи.

Ничего больше. Двум сыновьям сразу — или ни одному конкретно, непонятно. Просто слово, брошенное в холодный воздух.

Элис стояла у ворот, закутавшись в шерстяной плащ, — Максим увидел её в последний момент, когда колонна уже тронулась. Она не махала рукой и ничего не кричала — просто смотрела, прямо и спокойно, с тем выражением лица, которое говорит больше, чем слова.

Он кивнул ей.

Она кивнула в ответ.

Ворота захлопнулись за последним конём.

Первые несколько часов ехали молча — дорога через лес требовала внимания, ветки цепляли за плащи, мокрая глина под копытами чавкала непредсказуемо. Максим держался в середине колонны, изучал окружение с той привычной внимательностью, с которой изучают незнакомый маршрут первый раз — не ища угрозы конкретно, просто фиксируя: дорога, рельеф, ориентиры, расстояния.

К полудню лес начал редеть. Открылись холмы — длинные, пологие, покрытые бурой осенней травой, с редкими рощами по гребням. Дорога стала лучше, кони пошли увереннее.

Родерик поравнялся с ним — неожиданно, без предупреждения, просто замедлил свою лошадь, пока Максим не оказался рядом:

— Оружие держать умеешь?

— Нож. Немного.

— Этого недостаточно. — Родерик смотрел вперёд, на дорогу, а не на него. — Патруль — это не боевой выход. Но патруль на севере — это не прогулка. Если будет контакт с нечистью — ты держишься за кем-то из стражников, не выходишь вперёд, не делаешь ничего до команды. Понятно?

— Понятно.

— Магию не применяешь без согласования. У тебя нет контроля над выбросом — можешь задеть своих.

Максим мог бы возразить — за неделю контроль заметно

улучшился. Но промолчал. Родерик был прав в принципе, даже если конкретная оценка устарела.

— Хорошо, — сказал он просто.

Родерик кивнул и ускорил коня, уходя обратно в голову колонны.

Стражник слева от Максима — пожилой, с серыми усами и шрамом от уха до подбородка — покосился на него с чем-то, что можно было при желании принять за одобрение:

— Умный, — пробормотал он себе под нос. — Обычно молодые спорят.

Максим не ответил. Смотрел на горизонт — туда, где за пологими холмами начинались более тёмные очертания, почти неразличимые в серой дымке. Предгорья. Ещё далеко. Несколько дней пути.

Он опустил руку в карман плаща, нащупал компас и гладкий белый камень.

Стрелка компаса чуть подрагивала, но пока — в пределах обычного.

Привал. Первая ночь

Ночевали у реки — небольшой, с тёмной водой и плоскими каменными берегами. Стражники разбили лагерь быстро, с привычной слаженностью людей, делавших это сотни раз: два костра, шатёр для Родерика, навес от ветра для остальных, выставленные посты.

Максим помогал с дровами, не спрашивая, нужна ли помощь. Один из стражников — молодой, примерно его ровесник, с широким простоватым лицом — удивлённо глянул, но ничего не сказал.

Поужинали у большого костра: хлеб, солёное мясо, горячая вода с травами. Разговаривали мало — короткими фразами, о дороге, о погоде, о том, что ожидало впереди. Максим слушал, не вступая, складывая в голове картину из отдельных деталей.

Когда большинство улеглись спать и у костра остались только дежурный стражник да Максим, которому не спалось, к огню подошёл Родерик.

Сел напротив, на плоский камень. Налил себе горячей воды в кружку, поставил её на колено, молча смотрел в огонь.

Несколько минут прошло в тишине — не напряжённой, просто тихой, наполненной треском дров и звуком реки.

— Почему ты взялся меня учить? — спросил Максим негромко.

Родерик не ответил сразу. Смотрел на огонь, помешивал кружку пальцем.

— Потому что ты интересная задача, — произнёс он наконец. — Я привык к предсказуемым магам. Обученным. Формульным. Ты думаешь иначе — я это почувствовал в поединке. Ты не ищешь формулу, ты ищешь механику. — Пауза. — Это редкость. Не обязательно полезная, но редкость.

— А если честно?

Долгая пауза. Родерик поднял взгляд — первый раз за весь вечер посмотрел прямо на него, без прищура, без оценки, просто смотрел.

— Я был на твоём испытании три года назад, — произнёс он наконец, медленно, как говорят, когда слова выбирают с усилием. — Первом. Ты тогда упал от первого же заклинания Торвальда. Простого, учебного, безопасного. Упал и не встал секунд двадцать. — Пауза. — Отец тогда ушёл из зала, не дождавшись конца. Я видел его лицо. — Ещё одна пауза, более долгая. — Я не ушёл.

Максим молчал.

— Мы не разговаривали с тобой нормально с тех пор, — сказал Родерик, и в этом «нормально» была какая-то неловкость, почти детская, не вязавшаяся с его обычным ровным тоном. — Я делал это намеренно. Решил, что так проще — держать дистанцию, чем... — Он не закончил. Сделал глоток, поставил кружку. — В общем. Я взялся тебя учить, потому что три года назад не взялся. И это, возможно, была

ошибка.

Это было не то, что Максим ожидал услышать. Совсем не то. Он сидел тихо, глядя в огонь, обдумывая не что ответить, а что именно только что произошло.

Родерик поднялся, бросил остаток воды в траву:

— Утром выходим рано. Лучше спать.

Он ушёл к своему шатру. Дежурный стражник у костра притворялся, что ничего не слышал.

Максим ещё долго сидел, глядя на угли. Думал об Артёме, о том, как тот держал брелок в больничной палате. Думал о Родерике — о том, что простые люди иногда оказываются значительно сложнее, чем кажутся, когда смотришь на них снаружи, не зная, что именно они решили однажды и как именно это решение их изменило.

Потом лёг и, вопреки ожиданиям, заснул быстро.

Предгорья. Четвёртый день

К четвёртому дню пути пейзаж изменился.

Пологие холмы остались позади. Теперь дорога шла между скальными выходами — острыми, тёмно-серыми, покрытыми лишайником, с выветренными гранями. Деревья здесь росли низкие, скрюченные, с корнями, впившимися в трещины. Небо давило ниже. Воздух был другим — плотным, немного кисловатым, с привкусом чего-то металлического, что Максим не мог идентифицировать точнее.

Компас начал вести себя иначе.

Максим заметил это утром третьего дня — стрелка стала подрагивать больше обычного, отклоняясь то влево, то резко возвращаясь. К вечеру четвёртого дня отклонение стало постоянным и заметным: стрелка указывала примерно на северо-восток вместо севера, и удерживала это направление устойчиво, как будто там что-то её тянуло.

Максим не говорил об этом вслух.

Стражники к вечеру четвёртого дня стали молчаливее. Не угрюмее — просто тише, с той особой собранностью, которая появляется у опытных людей, когда они входят в знакомую зону риска. Проверяли оружие без команды. Смотрели по сторонам чаще. Старший — тот самый, с усами и шрамом, которого звали Бранко, — ехал теперь не в середине, а чуть впереди, с тем видом человека, который умеет слышать

то, чего не слышат другие.

На одном из привалов Максим поравнялся с ним:

— Далеко ещё до Разлома?

Бранко покосился на него, оценивающе, без удивления:

— Три часа езды, если по прямой. — Он кивнул на скальную грядку, уходящую к северо-востоку. — Мы туда не едем. Наш маршрут — вдоль гряды, потом разворот.

— Но иногда нечисть выходит к маршруту?

— Иногда, — сказал Бранко коротко. — Когда Разлом нестабилен, они выходят дальше обычного. — Пауза. — В этот раз нестабильнее, чем в прошлом. Чувствуется.

— По чему чувствуется?

Бранко помолчал, потом произнёс — не как человек, объясняющий что-то непонятное, а как человек, говорящий очевидное:

— Птиц нет. Три дня уже — ни одной. Когда Разлом спокоен, птицы есть даже здесь. — Он тронул коня, заканчивая разговор. — Держись в середине колонны.

Максим посмотрел на небо.

Птиц действительно не было.

Ночь у скал. Первый контакт

На пятый день они встали лагерем у подножия скальной стены — естественное укрытие, защищающее с трёх сторон. Родерик выбрал место без объяснений, стражники одобрили без вопросов.

Максим не спал — снова. Это стало привычкой в дороге: он засыпал быстро, но просыпался в два-три часа ночи с ощущением, что что-то изменилось, и больше уже не мог закрыть глаза.

Он сидел у потухающего костра, завернувшись в плащ, когда почувствовал это первый раз.

Не звук. Не запах. Скорее — давление. Едва уловимое изменение в воздухе, как будто пространство слегка сгустилось в одной точке за пределами лагеря, в темноте между скалами.

Максим не двигался.

Компас в кармане — он проверил, не вынимая — подрагивал ритмично, почти как пульс.

Дежурный стражник у дальнего края лагеря тоже почуял что-то: повернулся, положил руку на рукоять меча, не вытаскивая. Замер.

Темнота между скалами была абсолютной — луна зашла за облака час назад.

Максим медленно, осторожно потянул к давлению — не

выбрасывая ничего, просто прислушиваясь своей маной к тому, что было там. Как протянуть руку в тёмную воду, не зная, что в ней, — медленно, не создавая волн.

Там было что-то живое. Не человек. Не зверь. Что-то с другой структурой — рваной, нестабильной, как плохо спаянный шов в металле.

Оно тоже почувствовало его прикосновение.

Темнота между скалами качнулась.

— Подъём, — произнёс Родерик негромко — Максим не слышал, как тот встал, но он уже стоял у шатра, одетый, с коротким жезлом в руке. — Быстро и тихо.

Лагерь поднялся за двадцать секунд. Стражники — без слов, без суеты, просто встали, взяли оружие, заняли позиции.

Из темноты вышло трое.

Не люди. Максим знал это до того, как увидел — просто знал, по тому ощущению рваной структуры. Они двигались неправильно — не как живые существа, а как живые существа, которые забыли, как именно нужно двигаться, и делали это по памяти. Силуэты тёмные, почти без деталей, но с красноватым свечением там, где должны были быть глаза.

— Стоять, — сказал Родерик ровно, будто говорил с нерасторопным слугой. Поднял жезл.

Лёд пришёл быстро — Максим за неделю насмотрелся на то, как работает Родерик в тренировочных условиях, но здесь это было иначе. Не отдельные атаки, не демонстрация

— плотная волна, точная, экономная, накрывшая двоих из трёх в одно движение. Они упали не сразу — замедлились, затвердели, потеряли движение.

Третий метнулся в сторону.

Прямо на Максима.

Не успело сработать ни решение, ни расчёт — только инстинкт, тот самый, который он тренировал неделю в пустом дворе. Стена давления встала между ними раньше, чем он успел об этом подумать. Не щитовая формула — та требовала секунды на построение. Просто встречный напор, грубый, расточительный, как Родерик и говорил, — но быстрый.

Существо ударилось об невидимую стену, откатилось назад. Бранко оказался рядом в ту же секунду — удар мечом, короткий, точный, опытный.

Тишина.

Максим стоял с вытянутой рукой, с сердцем, колотящимся где-то у горла, с той острой, почти болезненной ясностью в голове, которая бывает только в первые секунды после настоящей опасности.

Родерик обошёл периметр, проверил. Вернулся.

— Цел? — спросил он у Максима.

— Цел.

— Формула бы была быстрее.

— Знаю, — сказал Максим.

Родерик кивнул — коротко, скупое, почти неуловимо. И отвернулся, отдавая распоряжения стражникам.

Бранко встал рядом с Максимом, молча смотрел на то, что осталось от существа.

— Первый раз? — спросил он наконец.

— Первый.

— Держался хорошо, — произнёс Бранко. Помолчал. — Не хуже, чем некоторые на третий.

Это была, вероятно, высшая похвала, которую Бранко умел выражать.

Максим убрал руку, выдохнул долго и медленно. Потом опустил пальцы в карман — нашёл компас.

Стрелка теперь стояла неподвижно.

Указывала строго на северо-восток.

Глава 7. То, что не должно было выйти

Утро после

Рассвет пришёл холодным и бесцветным — небо над Серыми горами не золотело и не розовело, а просто медленно светлело, как будто кто-то осторожно, без резких движений убирал темноту слоями.

Максим не спал с трёх ночи.

Он сидел у потухающего костра, завернувшись в плащ, и смотрел на компас, который держал в обеих руках. Стрелка стояла неподвижно — строго северо-восток, с той уверенностью, с которой указывают только на что-то настоящее, а не на магнитное поле и не на горный металл.

Вчерашняя схватка прокручивалась в голове, но не так, как прокручиваются воспоминания о пережитом страхе. Она прокручивалась аналитически, как разбор работы после сложного выезда — что сработало, что нет, где была поддержка, где сработало раньше, чем думал. Инстинкт оказался быстрее рассуждения. Это важно. Значит, три дня с Родериком в тренировочном дворе дали что-то, что не описывается словом «умение», — что-то более глубокое, телесное, вшитое в рефлекс.

Рядом с ним на камне пристроился Бранко — старый стражник подсел незаметно, с кружкой горячей воды, и долго смотрел в угли, прежде чем произнести:

— Не первый раз смотришь на эту штуку.

Максим убрал компас в карман.

— Помогает думать, — сказал он просто.

Бранко хмыкнул — не насмешливо, скорее задумчиво:

— Когда я первый раз попал на север, у меня была монетка. Отцовская. Я её вертел в пальцах каждый раз, когда не знал, что делать. Лет двадцать возил с собой.

— Помогало?

— Монетка нет, — сказал Бранко. — Но пауза, пока вертишь, — да.

Лагерь начал просыпаться. Зашевелились стражники, кто-то раздувал второй костёр, где-то в темноте фыркали лошади. Запах дыма, мокрого камня, холодной земли.

Родерик вышел из шатра, обвёл взглядом лагерь — коротким, профессиональным взглядом командира, который проверяет состояние людей, не спрашивая вслух, — потом подошёл к костру, налил себе воды.

Взглянул на Максима.

— Цел, — произнёс он — не вопрос, утверждение.

— Цел.

— Хорошо. — Родерик сел, поставил кружку на колено. Несколько секунд помолчал, глядя в огонь. — Вчерашние трое — это не патрульный выброс. Это не случайный выход. — Он говорил негромко, так, чтобы слышали только они двое. — Патрульный выброс это одно существо, максимум два. Трое одновременно, в одной точке, в одно время — это направленное движение. Кто-то их вёл.

Максим молчал, ждал.

— Я наблюдаю за северным Разломом четыре года. — Родерик повертел кружку в руках. — Такого раньше не было.

Находка

Двинулись после завтрака — позже обычного, потому что Родерик велел сначала осмотреть периметр вчерашней схватки при дневном свете. Бранко взял двоих стражников, прошёл полукруг вдоль скальной стены.

Нашли через двадцать минут.

Максим был рядом, когда Бранко присел на корточки у основания скалы и долго смотрел на то, что там было, прежде чем позвал остальных.

На камне были следы. Не когтей — руки. Человеческие ладони, прижатые к камню с такой силой, что в породе остались едва заметные вдавленности — неглубокие, но чёткие, с правильным расположением пальцев. И рядом с отпечатками — руническая вязь, нанесённая не резцом и не краской. Выжженная. Четыре символа в линию, с интервалами, которые в магической записи обозначали не слова, а последовательность действий.

Родерик присел рядом с Бранко. Смотрел долго, без выражения.

— Кто-то открывал выход отсюда, — произнёс он наконец тихо. — Изнутри — нет. С этой стороны. Отсюда.

— Это возможно? — спросил один из стражников.

— Теоретически — да. Практически — нужно знать структуру Разлома. Знать точку входа, знать частоту поля,

знать формулу принудительного расширения. — Родерик медленно поднялся. — Это работа мага высокого уровня. Академически подготовленного.

Максим смотрел на выжженные символы. Потом достал компас.

Стрелка рванула и зафиксировалась — точно в сторону скальной стены перед ними. Ближе к источнику.

Он убрал компас, не говоря ни слова.

Но Родерик заметил. Он всё замечал — Максим уже понял это за пять дней в дороге.

— Покажи, — произнёс Родерик негромко, когда стражники отошли осматривать дальше.

Максим вытащил компас.

Родерик смотрел на стрелку несколько секунд. Потом перевёл взгляд на Максима. Спросил — ровно, без интонации:

— Откуда?

— Элис.

Молчание.

— Это инструмент её бабушки, — произнёс Родерик медленно. — Я видел его один раз, давно. Старуха умерла три года назад. Я думал, компас пропал вместе с её вещами.

— Элис сохранила.

— Элис сохранила, — повторил Родерик. Что-то в его лице стало другим — не тревогой, не удивлением, а тем особым видом, который бывает у людей, когда они вдруг обнаруживают, что недооценивали кого-то давно и привычно. —

И дала тебе.

— На дорогу.

— На дорогу, — сказал Родерик. Пауза. — Умная девочка.

Магистр. Второй след

Дальше шли осторожнее — Родерик перестроил колонну, выставил двух стражников вперёд разведчиками, сократил дистанцию между всадниками. Разговоры прекратились сами собой.

К полудню нашли второй след.

Не руны на этот раз. Лагерь — старый, брошенный недели две назад, судя по золе в кострище. Небольшой: следы одного шатра, три кострища, ямы от кольев для четырёх-пяти лошадей. Кто-то стоял здесь несколько дней — не проходил транзитом, а работал. Вокруг лагеря на земле — следы хождения по кругу, многократные, как ходят, когда долго занимаются одним и тем же на открытом пространстве.

Бранко нашёл в золе обрывок кожи с частью оттиска. Принёс Родерику.

Родерик смотрел на отпечаток молча. Потом молча отдал Максиму.

На коже — часть печати. Три уцелевших символа из того, что было раньше большим официальным оттиском. Двух символов не хватало, но третий был виден чётко: вертикальная руна с двумя поперечными чертами, обозначающая принадлежность к академическому магическому корпусу высшего ранга.

— Магистр, — сказал Максим.

— Или кто-то с его полномочиями, — поправил Родерик, не отрицая.

— Торвальд сказал, что знает, где настоящий Разлом. — Максим говорил тихо, чтобы слышал только Родерик. — Он же сказал, что Разлом закрыт. Пока закрыт.

Родерик смотрел на обрывок кожи.

— Торвальд уехал на восток, — произнёс он через несколько секунд. — Через три дня после того, как провёл твоё испытание. Это я знаю точно.

— Это был не обязательно он.

— Нет, не обязательно, — согласился Родерик. — Но количество людей с такими полномочиями и с причиной быть здесь, в этих горах, тайно, без уведомления короны — это не большой список. — Пауза. — Нас уведомляют о каждом патруле. Нас уведомляют о каждой официальной экспедиции. Это — не официальная экспедиция.

Максим убрал кожу за пазуху. Поймал вопросительный взгляд Родерика.

— Доказательство, — сказал он коротко.

Родерик не возражал.

Компас ведёт

После полудня Максим начал замечать закономерность.

Компас реагировал не только на близость Разлома — это он уже понял. Стрелка менялась по-разному в зависимости от того, что именно происходило поблизости. Плавное устойчивое отклонение — просто присутствие нестабильного поля. Резкий рывок и возврат — выброс, что-то прорвалось и схлопнулось. Но сейчас, после второго лагеря, стрелка вела себя иначе: медленное, почти равномерное вращение против часовой стрелки, с задержкой в одной точке, снова вращение, снова задержка.

Как поиск. Как стрелка, которая ищет что-то конкретное. Максим поравнялся с Родериком:

— Компас ведёт на что-то.

Родерик не удивился — значит, наблюдал сам:

— Я вижу. — Пауза. — Нам не следует идти туда.

— Знаю.

— Наш маршрут — вдоль гряды, разворот у Волчьего перевала.

— Знаю, — повторил Максим. — Я не предлагаю отклоняться от маршрута.

Молчание.

— Но если бы предложил? — спросил Родерик негромко, с той интонацией человека, который задаёт вопрос не потому

что не знает ответа, а потому что хочет услышать его вслух.

— Тогда бы я сказал, что то, что кто-то делает здесь тайно, рядом с закрытым Разломом, с нарисованными от руки выходными рунами, — это либо очень серьёзная проблема, либо единственный шанс понять, что вообще происходит. — Максим смотрел вперёд. — Может быть, и то, и другое одновременно.

Родерик долго молчал — так долго, что Максим уже решил, что разговор закончен.

— У перевала встанем лагерем, — произнёс Родерик наконец. — Бранко с тремя людьми — охрана лагеря. Остальные со мной. — Пауза, короткая. — Никому не говорить куда именно.

Максим посмотрел на него — на ровный профиль, на руку, которая чуть крепче держала поводья.

— Почему? — спросил он.

— Потому что тот, кто оставил эти следы, возможно, ещё здесь, — сказал Родерик. — Или у него есть глаза в патруле.

Тишина. Где-то в скалах тихо и методично стучал камень о камень — ветер, или животное, или что-то ещё.

— Ты думаешь об этом с утра, — сказал Максим.

— С ночи, — поправил Родерик.

Волчий перевал

Перевал оправдывал название — узкий, продуваемый, зажатый между двумя скальными стенами, покрытыми чёрным мхом и наледью. Ветер здесь не гулял, а работал — монотонно, целеустремлённо, как делает своё дело хорошо настроенный инструмент.

Бранко выбрал место для лагеря у восточной стены — укрытие с трёх сторон, обзор с четвёртой. Максим помогал с лошадьми, расставлял кольца, укреплял навес. Работа была привычной уже — четыре ночи в дороге, руки сами знали порядок.

Когда лагерь был готов, Родерик собрал пятерых — не объясняя, просто кивнул в нужную сторону.

Они пошли на северо-восток.

Компас у Максима в кармане замер — стрелка больше не вращалась. Просто указывала. Прямо и уверенно, как указывают на что-то, что уже близко.

Шли молча, в колонну по одному, по тропе, которой явно пользовались — не стражники, кто-то другой. Трава примята по краям, ветки сломаны на высоте плеча, в нескольких местах земля разрыта — кто-то спотыкался и опирался, то-ропился.

Через сорок минут вышли на площадку.

Максим остановился.

Это был не лагерь и не маршрут. Это была точка — небольшая каменная площадка диаметром метров десять, окружённая скальными выступами с трёх сторон, открытая к северу. В центре площадки — кольцо выжженных символов. Не четыре руны, как вчера у скалы. Семьдесят или восемьдесят — сложная концентрическая система, внешнее кольцо из двадцати символов, внутреннее из двенадцати, в центре — точка со звездообразным узором, тщательно выведенная. Каждый символ — чёткий, уверенный, без исправлений. Работа профессионала, который точно знал, что делает, и делал это не первый раз.

В нескольких местах кольца были нарушены — как будто что-то прорвалось через границу изнутри. Камень в трёх точках был оплавлен — не огнём, иначе, температурой другого рода.

Воздух над кольцом был другим. Максим это почувствовал, ещё не войдя на площадку, — едва уловимое давление, слабое, как слышишь гул высокого напряжения через стену, когда сам провод за стеной.

Родерик поднял руку — стоп.

Все замерли у входа на площадку.

— Не заходить, — произнёс он негромко. — Никому. — Он сам зашёл — осторожно, по краю, не пересекая внешнее кольцо символов, приседая и рассматривая каждую деталь.

Максим наблюдал.

Там, где кольцо было нарушено — в трёх точках прорыва

— Родерик остановился дольше всего. Потрогал оплавленный камень. Поднял голову, посмотрел на север — туда, где между скальными стенами открывался узкий коридор, ведущий в темноту.

Вернулся к Максиму. Лицо спокойное, но что-то в нём изменилось — та самая глубокая, контролируемая тревога, которую очень хорошо умеющие скрывать люди всё равно не могут скрыть полностью.

— Это не попытка открыть Разлом, — сказал Родерик тихо. — Это уже открытый Разлом. Ненадолго. Точно. С очень конкретной целью.

— Выпустить нечисть?

— Нет. — Родерик помолчал. — Выпустить нечисть — это не нужно так тщательно готовить. Это делается проще, грубее. Это, — он кивнул на кольцо, — работа для того, чтобы пропустить что-то конкретное. Точечный проход. Адресный.

— Кого-то конкретного.

— Или что-то конкретное, — поправил Родерик. — Или кого-то, кто не мог выйти через обычный выброс. Кто нуждался в контролируемом, целенаправленном открытии.

Максим стоял у края площадки, смотрел на концентрические кольца символов, на оплавленные точки прорыва, на открытый северный коридор.

— Кто-то ждал этого с той стороны, — произнёс он негромко. — И кто-то помогал ему с этой.

Родерик не ответил. Но и не возразил.

Ночь. Третье видение

Вернулись в лагерь уже в сумерках.

Бранко принял их молча, не задавая вопросов, — профессиональное чутьё многолетнего опыта: видит лица, понимает, что спрашивать не надо. Разожгли костёр, поужинали скупо и молча. Родерик ушёл в шатёр рано, сославшись на записи — Максим видел свет через ткань, видел тень, движущуюся по стенке: Родерик писал, долго, тщательно.

Максим не спал.

Он лежал на спине, смотрел в небо — здесь, на высоте, звёзды были другими, плотными, без городской засветки, почти давящими сверху. И думал о кольце символов. О трёх точках прорыва. О том, кто мог ждать с той стороны.

Заснул он незаметно для себя.

И оказался в больнице.

Это было третье видение — и самое долгое.

Он снова стоял в дверях, снова без тела, только как точка присутствия, прикреплённая к порогу. Но на этот раз всё было иначе. Не ночь — день, серый дневной свет из окна, дождь снаружи. Ольга сидела на стуле прямо, не спала — разговаривала с кем-то. Максим не видел этого человека сразу, потому что тот стоял к нему спиной у кровати.

Потом человек повернулся.

Коллега. Дмитрий Евгеньевич — начальник смены, с ко-

тором Максим работал восемь лет. Немолодой, основательный, с той особой основательностью людей, которые за долгую жизнь научились не суетиться. Он держал в руках папку с бумагами и говорил что-то — Максим не слышал слов, только видел лица.

Ольга слушала, смотрела в пол. Один раз кивнула.

Потом Дмитрий Евгеньевич положил папку ей на колени.

Документы. Максим видел — не слова, не детали, но понимал взглядом человека, который много лет работал на таких объектах, — это были документы на принятие решений. Те самые документы, которые подписывают, когда медицина уже сказала то, что она должна была сказать, и семья должна сказать своё слово.

Ольга смотрела на папку, не открывая.

Артём сидел на полу в углу комнаты — Максим увидел его только сейчас, потому что мальчик забился в угол и стал очень маленьким. Он не смотрел на взрослых. Смотрел на свои руки. Брелок держал обеими руками, так крепко, что костяшки пальцев побелели.

Ольга подняла голову, посмотрела — прямо в сторону двери, прямо туда, где стоял Максим.

Несколько секунд просто смотрела — с тем выражением лица человека, который хочет сказать что-то, но не знает как, или знает как, но не может.

— Максим, — произнесла она. Не вопрос. Просто имя — тихо, почти про себя, как говорят вслух то, о чём думают.

Он не мог ответить. Не мог двинуться. Стоял у порога, прозрачный и беззвучный, и смотрел, как она снова опустила взгляд на папку, которую не открывала.

Видение оборвалось — резко, как рвётся нить.

Максим поднялся рывком, сел на земле лагеря, с сердцем, которое колотилось так, что было слышно в ушах. Ночь во-круг, тихий костёр, звёзды, дыхание спящих людей.

Он долго сидел неподвижно.

Потом вытащил сложенный лист из кармана — тот, с тремя строчками. Развернул в темноте, хотя слова знал наизусть.

Артём.

Найти Разлом. Открыть. Вернуться.

Пока он ещё ждёт.

Последняя строчка — «пока» — теперь читалась иначе.
Не как напоминание себе.

Как срок.

Разговор до рассвета

Родерик не спал.

Максим понял это, когда, поднявшись, увидел, что свет в шатре всё ещё горит. Он подошёл, не думая, — просто подошёл, остановился у входа.

— Войди, — произнёс Родерик изнутри.

Шатёр был небольшим. Стол из дощечек на походных козлах, свеча, несколько листов бумаги, покрытых плотными строчками. Родерик сидел прямо, без плаща — в рубашке, с закатанными до локтя рукавами. Перо лежало отложенным.

— Сел писать донесение? — спросил Максим.

— Пытаюсь. — Родерик посмотрел на листы. — Проблема в том, что не знаю, кому его отправить.

— Отцу.

— Отец отправит выше. Выше — к наместнику. Наместник — к короне. — Родерик помолчал. — А тот, кто сделал это кольцо, — человек короны. Или был им.

Тишина.

— Торвальд, — сказал Максим.

— Возможно.

— Ты думаешь — да.

Родерик не ответил сразу. Посмотрел на свечу — долго, без выражения.

— Торвальд появился здесь не случайно, — произнёс он

наконец. — Его нет в этих горах двадцать лет. Приезжает — и тут же это. — Пауза. — Либо он сделал это. Либо он приехал, потому что кто-то другой это сделал, и он знает кто. В обоих случаях Торвальд знает больше, чем сказал.

— Он сказал мне, что Разлом закрыт и он знает, где он.

— Он сказал тебе именно это. — Родерик посмотрел на него прямо. — Почему тебе? Ты — мальчик с нестандартным даром, которого нашли в лесу. Торвальд выбирал слова для людей в течение пятидесяти лет. Он ничего не говорит случайным людям.

— Значит, я не случайный.

— Или ты инструмент, — произнёс Родерик. — Который ещё не знает, для чего его точат.

Максим сидел напротив, на краю складного табурета. Смотрел на свечу, как смотрел Родерик несколько секунд назад.

— Мне нужно добраться до этого Разлома, — сказал он. Не объясняя почему, просто — факт.

— Знаю, — сказал Родерик.

— Откуда?

— Потому что ты смотришь на компас каждые полчаса. Потому что ты не спал после схватки, а не после неё. Потому что ты не спрашиваешь, как вернуться домой — ты спрашиваешь, как добраться туда. — Родерик взял перо, покрутил в пальцах. — Я не знаю, откуда ты на самом деле. Но я знаю, что ты идёшь куда-то, а не откуда-то.

Максим молчал.

— Я не буду тебя останавливать, — произнёс Родерик. — Но я не буду лгать отцу о маршруте.

— Я не прошу лгать.

— Я знаю. Поэтому и говорю. — Пауза. — Когда вернёмся в замок — у тебя будет неделя, может две, прежде чем отец решит, что делать с тем, что я напишу в донесении. За это время ты должен принять решение.

Максим кивнул.

— Ещё одно, — сказал Родерик, уже когда Максим поднялся уходить. — То, что вышло через кольцо три дня назад — оно не нечисть. Нечисть не нужно выпускать так тщательно. — Он смотрел на свои записи. — То, что прошло через этот проход, — оно думает. И оно где-то здесь. В предгорьях, в горах, или уже дальше.

Максим остановился у выхода.

— Это важно знать?

— Это важно знать, — подтвердил Родерик.

Глава 8. Тот, кто пришёл обратно

Дорога назад

Обратный путь занял шесть дней вместо семи.

Родерик гнал намеренно — не объясняя, просто задавал темп с рассвета до сумерек, с короткими привалами, без ночёвок у костров дольше необходимого. Стражники не возражали — опытные люди чувствуют, когда командир хочет поскорее оказаться в определённом месте, и не тратят время на вопросы.

Максим молчал и думал.

Думать было о чём. Кольцо символов на каменной площадке, три точки прорыва, обрывок кожи с печатью, тайный лагерь. И главное — то, что сказал Родерик в ту ночь у шатра: *то, что прошло через проход, думает*. Не нечисть. Не случайный выброс. Кто-то — или что-то — кого выпустили намеренно, точно, с профессиональной подготовкой.

На третий день обратного пути Бранко поравнялся с ним и произнёс, ни к кому конкретно не обращаясь, глядя вперёд на дорогу:

— Молодой господин Родерик раньше никогда не торопился на обратном пути. Обычно шёл спокойно, с осмотром второстепенных постов.

— Сейчас торопится, — сказал Максим.

— Да, — согласился Бранко. — Значит, считает, что есть причина торопиться.

Он отстал обратно в колонну, больше не добавив ни слова. Максим обдумал это.

Родерик знает что-то, чего не сказал вслух. Это само по себе не новость — Родерик вообще говорил вслух меньше, чем думал, и Максим за эти дни успел это понять достаточно хорошо. Но молчание у шатра на перевале было конкретным — не общей сдержанностью, а намеренной паузой, которую оставляют, когда ещё не уверен, что правильно понял, и хочешь проверить сначала.

Что именно Родерик хотел проверить — Максим пока не знал.

Но собирался узнать.

На четвёртый день пути компас в кармане вёл себя спокойно — стрелка вернулась к обычному северу, почти без отклонений. Горы остались позади. Холмы стали снова пологими, дорога — узнаваемой. Запах предгорий — металлический, кисловатый — исчез, сменился привычным осенним воздухом с примесью дыма деревень на горизонте.

На пятый день пошёл дождь.

Не осенний морозящий — настоящий, плотный, холодный, с ветром, который бил в лицо под капюшоном и забирался в рукава. Ехали молча, в плащах, опустив головы. Лошади шли тяжелее, копыта скользили на мокрой глине.

Максим думал об Артёме.

О папке с документами, которую Ольга держала в руках, не открывая. О том, как она произнесла его имя в пустую

дверь, зная — или чувствуя, — что там кто-то есть. О Дмитрие Евгеньевиче, который пришёл не навестить, а принести то, что приносят тогда, когда у медицины кончаются аргументы в пользу ожидания.

Срок — это слово теперь имело вес, которого раньше не имело.

Не абстрактное «нужно торопиться».

Конкретное. Ощутимое. Как давление за грудиной, которое не уходит.

Замок. Гость

Въехали в ворота замка Соловейских за час до заката — небо на западе было красным и тяжёлым, как бывает перед первым настоящим зимним морозом.

Двор встретил их движением: слуги с факелами, конюхи, забравшие лошадей, кто-то с горячим питьём у входа. Всё как обычно. Всё — кроме одной детали, которую Максим заметил сразу: у коновязи у западной стены стояло четыре чужие лошади — хорошие, дорогие, с одинаковыми сёдлами, явно принадлежащие одному человеку или одному отряду.

Родерик увидел их раньше Максима — по тому, как он слегка замедлил коня у ворот, на долю секунды. Потом тронул снова ровно, не изменив выражения лица.

— Ты знаешь, чьи лошади? — тихо спросил Максим, поравнявшись с ним.

— Знаю, — сказал Родерик. Помолчал. — Это люди Торвальда.

Тишина — только стук копыт по мокрым камням и треск факелов.

— Он здесь, — произнёс Максим.

— Или его люди. — Родерик спрыгнул с коня, передал поводья конюху, не торопясь, как будто четыре чужие лошади во дворе — обычное дело в обычный вечер. — Иди к себе. Переоденься. Спустись к ужину как ни в чём не бывало.

— А ты?

— А я пойду к отцу, — произнёс Родерик. — Узнаю, что происходит, до того как мы все сядем за один стол.

Он ушёл, не оборачиваясь, — быстрым ровным шагом человека, у которого есть конкретная цель и конкретное время до неё.

Максим посмотрел на чужих лошадей. Потом на западное крыло замка — там, в большом зале, горел свет сквозь высокие узкие окна.

Обрывок кожи с печатью лежал у него за пазухой.

Торвальд

Магистр сидел в кресле у камина — в той же позе, в которой Максим видел его в первый раз, как будто и не уезжал: прямой, спокойный, с руками, сложенными на колене. Огонь в камине горел ровно. На столе рядом — кубок с вином, нетронутый.

Барон стоял у окна. Родерик — у стены, чуть в стороне, с тем особым выражением, которое означало: я уже сказал что нужно и теперь слушаю.

Элис не было. Максим отметил это краем сознания — потом.

— Максимилиан, — произнёс Торвальд, когда Максим вошёл. Без приветствия, без вступления — просто его имя, как будто продолжал прерванный разговор. — Садись. У нас мало времени и много тем.

Максим сел напротив. Встретил взгляд магистра — прямой, без обиняков.

— Ты нашёл кольцо, — сказал Торвальд. Не вопрос.

— Нашли, — поправил Максим. — Мы все нашли. Родерик, Бранко, я.

— Хорошо. — Торвальд кивнул — медленно, как кивают, когда что-то подтверждается. — Значит, меньше объяснять. — Он помолчал секунду, глядя в огонь. — Кольцо сделал я. Три недели назад. И я же открыл проход.

Тишина в зале стала другой — плотной, осязаемой.

Барон у окна не обернулся. Значит, уже знал.

Родерик не изменился в лице — значит, уже догадывался.

Максим смотрел на Торвальда прямо.

— Кого вы выпустили? — спросил он.

Торвальд поднял взгляд от огня — и в этом взгляде было что-то, чего Максим раньше там не видел. Не усталость — что-то тяжелее. То, что появляется у людей, когда они несут что-то слишком долго и наконец решают поставить на землю.

— Не кого, — произнёс он. — Что. — Пауза. — Часть информации. Записи. Те, которые нельзя было пронести через официальные каналы — через них смотрят слишком многие.

— Записи о чём?

— О настоящем Разломе, — сказал Торвальд. — О том, как он был закрыт. И о том, почему его нужно открыть снова.

Пятьдесят лет

— Пятьдесят три года назад, — начал Торвальд, — настоящий Разлом был открыт. Не стихийно — намеренно. Его открыли маги высшего ранга по приказу тогдашнего короля. Причина была простой: через Разлом шли люди.

— В обе стороны? — спросил Максим.

— В обе. — Торвальд взял кубок с вином, подержал в руках, поставил обратно нетронутым. — Это был не случайный выброс и не дыра в мироздании. Это был управляемый канал между двумя мирами. Небольшой, узкий, но стабильный. Работал почти двадцать лет.

Максим слушал, не перебивая.

— Через него приходили люди оттуда. — Торвальд сделал паузу, подбирая слова. — Из мира без магии. Некоторые приходили добровольно — они знали, куда идут. Некоторые не знали — просто оказывались здесь, как оказываешься в незнакомой комнате, когда дверь захлопнулась за спиной. — Он посмотрел на Максима прямо. — Ты не первый такой. И не последний — если Разлом откроется снова.

В зале было тихо. Огонь потрескивал. Где-то за окном ветер гнул ветки.

— Почему его закрыли? — спросил Максим.

— Потому что кто-то начал им пользоваться не так, — сказал Торвальд. — Канал работал в обе стороны. Люди ухо-

дили отсюда туда. Туда — это мир без магии, без королей, без войн такого рода. Сначала уходили единицы. Потом — больше. Потом появились те, кто начал организовывать переход — за плату, за услуги, за обязательства. — Он покачал головой. — Маги начали уходить через Разлом. Носители редких даров. Люди с нужными знаниями. Это было не просто движение людей — это было движение силы. И в какой-то момент корона решила, что канал несёт больше потерь, чем приобретений.

— И закрыли, — сказал Максим.

— И закрыли. Быстро, жёстко, без предупреждения. Несколько человек не успели вернуться — застряли на той стороне. — Торвальд замолчал на секунду. — Часть из них до сих пор там. Или их потомки.

Максим смотрел в огонь.

Потомки.

Слово упало в голову и осталось там — тихое, весомое, медленно разворачивающееся в нечто большее, чем просто слово.

— Вы сказали, что Разлом нужно открыть снова, — произнёс он. — Почему сейчас?

— Потому что то, что начинается происходить с нестабильными разломами по всей границе — это не случайность. — Торвальд наконец взял кубок, сделал глоток. — Кто-то целенаправленно расшатывает малые разломы. Нечисть выходит всё дальше. Граница сжимается. — Он посмотрел на Мак-

сима. — И я думаю, что тот, кто это делает, знает о настоящем Разломе. И тоже хочет его открыть. Только по своим причинам.

— Которые не совпадают с вашими.

— Которые не совпадают с нашими, — поправил Торвальд, и в этом «нашими» было кое-что, заставившее Максима чуть замедлиться — он включил его в это «наши» намеренно. Без вопроса, как будто решение уже принято.

Максим заметил это. И промолчал.

Пока промолчал.

Элис. Коридор

После разговора Максим вышел из зала — голова была полна, ноги несли сами, не выбирая направления. Длинный коридор, факелы, запах старого камня.

Элис поймала его у лестницы.

Она, кажется, ждала именно здесь — стояла у стены, прижавшись к ней спиной, скрестив руки. Когда Максим вышел из-за угла, она оттолкнулась от стены и пошла рядом с ним, не спрашивая, куда он идёт.

— Ты слышала? — спросил он.

— Не всё. Достаточно.

Они шли молча несколько шагов.

— Потомки, — произнесла Элис тихо, не оборачиваясь.
— Бабушка никогда не говорила об этом прямо. Но я думала об этом.

Максим остановился. Посмотрел на неё.

Она была очень спокойна — той особой спокойностью людей, которые давно уже думали о чём-то и успели с этим примириться до того, как разговор состоялся вслух.

— Твоя бабушка, — начал Максим медленно.

— Она пришла оттуда, — сказала Элис. Просто, без театральности. — Ей было восемнадцать лет. Она оказалась здесь через Разлом — случайно, как ты. Осталась. Вышла замуж за деда. — Пауза. — Она никогда не могла вернуться

— Разлом закрыли через два года после её прихода. — Тихо: — Она всю жизнь изучала его механику. Хотела понять, как открыть снова. Компас — её инструмент. Камень — её работа.

Максим стоял неподвижно.

— Ты с самого начала знала, — произнёс он.

— Я догадывалась. — Элис подняла взгляд. — Ты думаешь иначе. Говоришь иначе. Смотришь на вещи как человек, который видит их в первый раз, но не боится, потому что у него в голове другая рамка для понимания. — Она чуть качнула головой. — Бабушка была такой же. Сначала.

Максим долго молчал.

— Она нашла способ? — спросил он наконец. — Открыть снова?

Элис посмотрела на него — долго, взвешивающе.

— Она оставила записи, — сказала она. — Я не читала их полностью. Они зашифрованы — не магически, просто её собственным кодом, который она придумала сама. — Пауза. — Торвальд знает о записях. Он пытался их получить — вежливо, несколько лет назад. Я отказала.

— Почему?

— Потому что не знала, зачем ему. — Элис смотрела прямо. — Сейчас — немного больше знаю. Но не достаточно.

Максим кивнул.

Это было честно. И это было правильно.

— Расскажи мне о коде, — сказал он. — Когда будешь

готова.

Элис молчала секунду. Потом кивнула — коротко, почти незаметно.

Это было согласие.

Ночью. Четвёртое видение

Максим заснул с трудом — мысли не хотели останавливаться, крутились по одному кругу, цепляя друг друга.

Потомки. Бабушка Элис, пришедшая через Разлом. Её записи. Компас, который она сделала сама. Торвальд, открывший проход для записей. И кто-то ещё — неизвестный, расшатывающий малые разломы по всей границе.

Он заснул примерно в час ночи.

И оказался в больнице — сразу, без перехода, как прыгают в холодную воду.

Только на этот раз всё было иначе.

Он стоял не у двери. Он стоял у кровати — вплотную, так близко, что мог видеть каждую деталь: капельницу, провода, мерный ритм монитора, трубку в горле. Своё лицо — неподвижное, спокойное, совершенно чужое в этой неподвижности, потому что его лицо никогда не бывало таким неподвижным.

Артёма в палате не было. Ольги не было.

Был только один человек.

Незнакомый.

Мужчина лет сорока пяти, в гражданской одежде — не врач, не санитар. Тёмный пиджак, аккуратный, дорогой. Он стоял у изножья кровати и смотрел на тело Максима — внимательно, сосредоточенно, как смотрят на что-то, что изуча-

ют, а не просто наблюдают. В руках — небольшой кожаный блокнот, закрытый. Он не записывал. Просто держал.

Максим стоял рядом — прозрачный, беззвучный, невидимый — и смотрел на этого человека.

Что-то в нём было неправильным.

Не в смысле угрозы — нет. В смысле несоответствия. Как будто человек пришёл в это место из другого контекста и принёс с собой что-то, что сюда не относится. Взгляд — не медицинский, не родственный, не сочувствующий. Аналитический. Оценивающий. Взгляд человека, который смотрит на задачу.

Незнакомец медленно обошёл кровать — с той же сосредоточенностью, с той же аналитической внимательностью. Остановился у изголовья. Несколько секунд смотрел на лицо Максима. Потом — совершенно буднично — открыл блокнот, написал одну строчку и закрыл снова.

Поднял голову.

И посмотрел точно туда, где стоял Максим.

Не сквозь. Не мимо. Прямо. С той же аналитической точностью.

Несколько секунд они смотрели друг на друга — один видимый, другой прозрачный. Или так казалось.

Потому что незнакомец произнёс — тихо, почти про себя, с интонацией человека, который проверяет гипотезу:

— Интересно.

Одно слово. Спокойно. Как говорят, когда опыт подтвер-

дил то, что предполагали.

Видение оборвалось.

Максим сел на кровати — резко, с сердцем, которое гремело.

Не страх — что-то другое. То острое, горящее ощущение, которое бывает, когда понимаешь, что тебя видят там, где ты думал, что ты невидим.

Незнакомец его видел.

Или знал, что он там есть.

Максим встал, подошёл к окну. Ночь, двор, факел у ворот. Всё как обычно. Всё совершенно обычно — и при этом что-то в мире только что сдвинулось на один маленький шаг в очень неожиданную сторону.

Он стоял у окна долго, думая об одном: кто этот человек. Что он написал в блокнот. И — главное — откуда он знал, что смотреть именно туда.

Утро. Разговор с Торвальдом

Торвальд уходил на следующее утро — снова.

Максим нашёл его во дворе, у лошадей, за час до отъезда.

Подошёл прямо.

— Кто знал о Разломе, кроме магов высшего ранга и короны? — спросил он без предисловий. — Пятьдесят лет назад. Кто ещё знал, что он существует, что через него ходят люди?

Торвальд посмотрел на него — с той особой внимательностью, которую Максим уже научился различать: это не оценка, это узнавание. Как будто вопрос совпадает с чем-то, что магистр сам обдумывал.

— Почему ты спрашиваешь?

Максим рассказал о видении. Коротко, без деталей, которые не нужны, — незнакомый человек, блокнот, одно слово «интересно», и взгляд прямо туда, где стоял Максим.

Торвальд слушал неподвижно. Потом долго молчал — с тем молчанием, которое означает не отсутствие ответа, а его осторожный выбор.

— Были люди, — произнёс он наконец, — которые изучали Разлом с другой стороны. Из твоего мира. — Пауза. — Они не знали точно, что это такое. Называли по-разному — аномалия, геомагнитное отклонение, место силы. Они не могли пройти через него сами, потому что для прохода нужен либо активный маг с этой стороны, либо человек с ла-

тентным даром — с той. Но они знали, что там что-то есть. И они наблюдали.

— Пятьдесят лет назад.

— И сейчас, — сказал Торвальд. — Знание не умирает. Оно передаётся. — Он посмотрел на Максима. — Если тот, кого ты видел, стоял у твоей кровати в больнице и смотрел туда, где было твоё присутствие — он знает, что ты не просто в коме. Он знает, что ты где-то есть.

— И он хочет знать где, — произнёс Максим.

— Или уже знает. — Торвальд взял поводья, поставил ногу в стремя. — Будь осторожен с видениями. Связь работает в обе стороны — ты видишь туда, но и оттуда могут видеть сюда. Если он достаточно подготовлен — он уже знает больше, чем ты думаешь.

Конь переступил копытами.

— Ещё одно, — сказал Торвальд, уже в седле, глядя вниз на Максима. — Найди записи бабушки Элис. Не для меня — для себя. Она зашла дальше, чем кто-либо из нас. — Пауза. — Она знала, как открыть Разлом изнутри. Без помощи с этой стороны. — Он повернул коня. — Это важно. Потому что помощи с этой стороны может не оказаться в нужный момент.

Он уехал.

Максим стоял во дворе, в утреннем холоде, с лошадиным паром в воздухе и последними словами Торвальда в голове. Открыть изнутри.

Из той стороны. Из больничной палаты, из мира без магии, из тела, которое лежит неподвижно под тонким одеялом с трубкой в горле.

Он медленно опустил руку в карман. Нашёл компас. Достал.

Стрелка стояла спокойно.

Потом — едва заметно, на несколько градусов — качнулась на северо-восток.

И вернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.